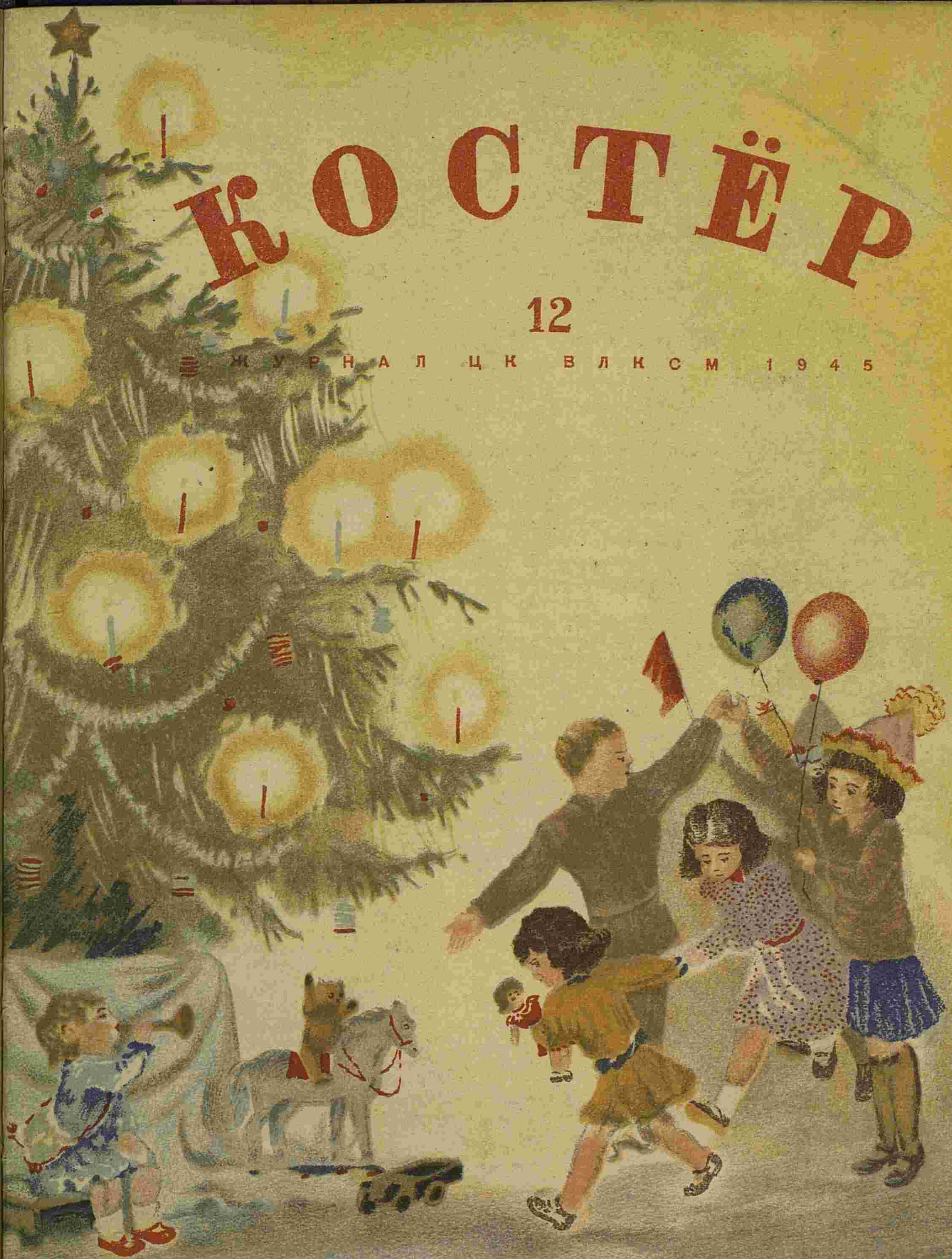

КОСТЁР

12

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ 1945

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Джамбул

Трое нас. Мы сидим за веселым столом:
Два степных казаха и русский.
Чай душистый дымится. За светлым окном
Ходят плавные волны музыки.
... Пусть придет к нам грузин, узбек и таджик, —
Будет встреча еще чудесней.
Мы найдем с ними дружеский, братский язык
И поделимся чаем и песней.
Слышишь шумы? Москва за окном шумит.
Видишь блеск? Это в синий воздух
Древний Кремль возносит, лучами облит,
Золотые, как в сказке, звезды.
Там, под звездами, солнечный Сталин живет.
Он принес через годы ненастья
Солнце вечной весны с лазурных высот
И цветы всенародного счастья.
Он сдружил Москву и казахский аул,
Он сроднил все народы и страны.
Девяностолетний седой Джамбул
Ему славу поет неустанно.
Рад московскому гостю Джамбул — и домбра
Запросилась в старые руки.
Слушай клекот орла и звон серебра,
Задуманные слушай звуки.
Я ищу слова, что теплее луча,
Что ласкают и греют душу.
... Посмотри, как дымится душистый чай,
Подыми пилу — и кушай!

29

41

КОСТЁР

12

ДЕКАБРЬ

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“ ★ 1945 ★ ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Леонид Хаустов

Ветер дул. Похолодало.
Стыли тополя.
Словно каменной стала
Черная земля.

На дороге, у обочин,
В лужах под ногой
Лед похрустывал... А к ночи
Снег пошел густой.

Он невидимой рукою
Дом наш нарядил,
И откосы над рекою
В горки превратил,

Чтоб на этих ровных скатах
Санки мчались вниз,
Чтобы лыжники-ребята
Вихрем пронеслись.

Снег все шел и шел. Мелькали
Хлопья за окном.
И давным-давно уж спали
Все мы крепким сном.

Утром небо прояснилось.
День сиял порошею.
Верно, всем в ту ночь приснилось
Что-нибудь хорошее.

Игорь Всеволожский

Рис. М. Кукс

В повести „Детство в Гори“ рассказывается о городе Гори, в котором родился товарищ Сталин, о юных обитателях Гори, их радостях, горестях и крепкой дружбе. В этой книге рассказано, как в конце прошлого столетия учились они в духовном училище, играли в старинной крепости и читали запрещенные книги. Здесь мы печатаем отрывок из повести „Детство в Гори“.

Как сейчас помню: резкий горный ветер хлопает ставнями, на дворе осыпаются с тополей и чинар снежные хлопья, а мы сидим в сашинной комнате, опрятной и чистой. На столе в ярко начищенной лампе потрескивает огонь, по потолку разбегаются причудливые черные тени. Саша сидит, поджав ноги, на деревянной тахте, покрытой ковром, и читает. Каждый день Пета приносит все новые и новые книги, он берет их на время в книжной лавочке Майсурадзе и платит, кажется, по две копейки за книгу. А мы с „Пончиком“ на другой тахте решаем задачу. Тетя Тасо — сашина мать — шьет. У нее много работы, и она всегда вышивает, шьет, штопает, ни минуты не сидит без дела. Вот она встает, подходит к столу, на котором стоит самовар, или к длинному ящичку у стены. На ящичке лежат постельные принадлежности, прикрытые вышитой тканью. Тетя Тасо поднимает крышку ящичка и достает несколько яблок. Она ставит блюдо возле нас и тихо говорит: „ешьте“. Мы не заставляем просить себя второй раз. Потом снова принимаемся за задачу.

Дверь открывается, входит Шалико. Он вырос в этой семье и теперь заходит почти каждый день. Шалико скоро, этой весной, будет мастером, настоящим сапожным мастером. Он ждет, не дожидается весны и часто рассказывает, какую прекрасную пару сапог он сошьет к экзамену. Ведь его искусство станут проверять лучшие сапожники города!

Шалико подходит к тете Тасо и спрашивает, не нужно ли помочь ей. Но нет,

сегодня ничего не нужно, печь натоплена, вода принесена. Шалико садится в угол и берет свою любимую книжку. Он знает ее наизусть. Несколько лет назад, когда Саша еще не знал грамоты, не знал ни ани, ни бани, ни гани, ни дони, ни одной буквы, — он читал на память малышу книжку — повесть о храбром Арсене.

„Пончик“ решил, наконец, задачу. Он тяжело отдувается, начинает доедать закусенное и отложенное в сторону яблоко и смотрит на меня торжествующе. Я стараюсь заглянуть к нему в тетрадку, но „Пончик“ прикрывает ее рукой. Ведь Саша говорит, что каждый сам должен решать задачи, иначе будто и не решал.

Я взглядываю на Сашу, губы его шевелятся, он читает, читает... А у меня нехватает времени читать книги! Еле-еле успеваю приготовить уроки, прочесть молитвы до завтрака, перед обедом и после обеда. Я столько раз в день благодарю бога, что бог, конечно, должен бы был обратить на меня внимание и помочь получить побольше пятерок.

Я снова принимаюсь за свою задачу.

— Я скоро вернусь, — говорит тетя Тасо.

Она одевается, завязывает в шелковый платок шитье и уходит. Наверное, она шила белье смотрителю училища или артиллерийскому полковнику. Они платят ей деньги, на которые тетя Тасо живет.

Задача, наконец, решена, ответ сходится. Думать мне больше не о чем, а уходить домой не хочется. Но вдруг раздается стук в дверь, и входят Пета с Рыжим.

— А, Пета! — говорит Саша, отрываясь от книги. Он очень любит Пету.

— Мой кот нашелся, — сообщает Рыжий радостно. — Его стащил духанщик и раскормил до ужаса: я теперь кота на цепку посадил, чтоб не утащили.

— Саша, ты обещал нам почитать, — говорит Пета.

Саша встает и выкручивает фитиль в лампе.

— Почитай, Саша.

— Почитай, — просит из угла Шалико.

— Почитай, пожалуйста, — просим мы с „Пончиком“.

— А вы решили задачу? — спрашивает Саша. Он просматривает наши тетрадки. — Что ж, садитесь на тахту.

На тахте нам тесно. Толкаясь, мы накидываемся друг на друга. В свалке достается Рыжему. Он кряхтит и старается выбраться из-под нас. Но Шалико берет его за ноги и стаскивает на пол. Возня продолжается, теперь Рыжий оказался поверх этой живой груды тел. К нам бросается Саша. Наконец мы успокаиваемся и, раскрасневшиеся, запыхавшиеся, усаживаемся на тахту, тесно прижавшись друг к другу. Саша садится за стол, поближе к лампе, и раскрывает книжку.

Мы не знаем, что это за книжка, но наверное очень интересная. Все затихают, и Саша читает тихим, ровным голосом, не сбиваясь.

„Однажды вечером, — читает Саша, — бедный крестьянский парень Яго пошел на свидание с Нуну, девушкой, которую он любил. Она ждала его у ручья. Но по дороге бедного Яго схватили солдаты. Он яростно отбивался, но солдаты скрутили его веревками и отвели к становому приставу — диамбеги.

— Это ты ограбил погонщика возле духана? — закричал диамбеги и стал бить парня.

Напрасно Яго клялся, что он не грабил погонщика у духана. Бедный, бедный Яго! Он-то не знал, что сам диамбеги ограбил погонщика и теперь хотел на кого-нибудь свалить свою вину“. Но мы-то знали! Про проделку диамбеги нам рассказал сочинитель Казбек!

Как мы негодовали, когда слушали рассказ о том, как Яго обвинили в разбое! Диамбеги даже ударил Яго по лицу.

„Не велика доблесть бить человека, связанного по рукам, — читает Саша ответ Яго, и голос чтеца дрожит.

— Вот видите, — говорит он, поднимая глаза от книги. — Его мучили, били, возвели на него поклеп и даже не позволили оправдаться.

Лампа начинает коптеть, но этого никто не замечает. Саша откладывает книгу. Глядя куда-то в сторону, он начинает передавать содержание своими словами:

— И когда бедного парня посадили в тюрьму, богач-негодяй Гиргола захотел утащить Нуну, невесту Яго.

— Дальше, что было дальше? — привстав, спрашивает Рыжий. Он сжимает кулаки, словно хочет броситься на помощь бедной Нуну.

— Он хотел утащить Нуну, но тут...

— Не тани, пожалуйста, не тани! — не выдерживает Пета.

— Тут друг Яго — Коба выскакивает из леса и кричит: „Выходи-ка сюда, коли в тебе осталась хоть капля мужества!“

— Ну, ну? — закричали мы все вместе.

— И тут Коба схватился с негодяем Гирголой. Гиргола пытался сбросить Кобу в обрыв, но Коба собрал последние силы и...

Мы не выдерживаем столь длительной паузы. Нельзя же останавливаться на самых захватывающих местах!

— И он повалил Гирголу!

— Фу! — кто-то облегченно вздыхает. — Вот сильный парень Коба!

— Подожди, тут подоспел товарищ Гирголы. Он подкрался к Кобе сзади и с силой ударил Кобу по руке. А Гиргола вскочил на ноги, и они вдвоем бросились на Кобу. Плохо пришлось парню! Тогда Коба левой рукой выхватил кинжал и прямо в грудь ударил сообщника Гирголы! Но Гиргола уже подхватил Нуну и ускакал с нею.

— Подожди же у меня, Гиргола, — сказал тогда Коба. — Не будь я мужчиной, если дам тебе ускользнуть и не отомщу...

Вдруг огонь затрепал в лампе. В дверях — они открылись совершенно неслышно, — я увидел рысье лицо учителя русского языка Давыдова, — того самого, что поставил мне пятерку за сочинение „Как я провел воскресный день“. Он явился так неожиданно, что мы все опешили. Учитель вытягивает шею, повязанную грязным шарфом, трясет клочкастой бородкой и говорит:

— Вы что тут делаете, господа?

Мы молчим. Учитель поворачивает голову к Саше и спрашивает:

— Где твой журнал?

У каждого из нас есть „домашний журнал“. На первой странице писарским почерком выведено: „Если ученик после пяти часов отлучается из дома, он должен занести в журнал, куда отлучался, зачем и на какое время“.

Саша поднимает крышку сундука, достает тетрадь и протягивает ее Давыдову. Учитель

берет тетрадь, нацепляет на нос пенсне и совсем ласково спрашивает:

— Карандашечек?

Саша протягивает ему карандаш.

— А это кто такой с вами? — подозрительно смотрит учитель на Шалико.

— Это Шалико... — говорит Саша, — будущий мастер сапожного цеха.

— Ну уж я-то вам, господин, не подвластен, — говорит Шалико.

Учитель рассматривает книжку. Он даже не придвигается ближе к лампе. Ну, сейчас он закричит и будет называть нас олухами и одрами!

— Похвально, — говорит учитель.

Вот оно, начинается!

— Похвально, продолжайте! — и он возвращает книжку Саше.

Тут я увидел обложку книжки — на ней нарисован некрасивый бородатый старик

— Что же вы, господа хорошие, читали? — спрашивает учитель, оставив в покое Шалико.

Вот это вопрос, так вопрос! В училище строго запрещено читать такие книги, как книга сочинителя Казбека, который так занимательно рассказывает о бедном Яго и храбрейшем Кобе, — все книги, кроме разрешенных. За чтение запрещенных книг могут посадить в карцер, могут выгнать из училища. Что-то будет, что-то будет? У меня холодеет под сердцем.

— Я тебя спрашиваю, — строго говорит учитель.

Саша берет со стола книжку и протягивает учителю. Зачем он это делает? Он губит и себя и нас!

Единица по поведению, карцер, а, может, исключение и — самое страшное — отцовский ремень с широкой бляхой!

с сиянием вокруг головы и надпись: „Житие святого Пантелеймона“. Ну и молодец Саша, всех выручил! Эта книжка без сомнения разрешена училищным советом. Саша весело и чуть насмешливо смотрит на Давыдова.

— Отлично, — говорит Давыдов, присаживаясь к столу и пристраиваясь поближе к лампе. — Я запишу в журнал, что застал тебя дома за чтением рекомендованной советом книги. Похвальное занятие!

Он быстро строчит в журнале и вежливо откланивается. Потом потуже затягивает на шее свой шарф и исчезает так же неслышно, как и явился.

Мы долго прислушиваемся. Мне все кажется, сейчас опять неслышно откроется дверь, в нее просунется рысье лицо.

— А вы что делаете, господа?

Но кругом тихо. Скрипят ступеньки крыльца, потом хлопает калитка. Саша под-

нимает руку, делая знак, чтобы мы не двигались. Крадучись, он выходит из комнаты. Деревянные ступеньки чуть-чуть скрипят под его ногами. Вдруг слышится отчаянный лай собаки и крики учителя. Наконец возвращается Саша и говорит:

— Ушел. Я натравил на него собаку. Она чуть не вырвала ему кусок пальто. Терпеть не могу шпионов!

— Молодец! — хвалит Сашу Шалико. — Надо было натравить на него пять собак! Экая мерзкая морда. Тьфу!

— Читай! Читай же! — кричит Рыжий.

— Уже поздно, — говорит Саша, — да и хитрый лис может вернуться.

Он вынимает из-за сундука спрятанную книжку и, встав на табурет, прячет книгу писателя Казбека за картину.

— Так будет лучше, — говорит он.

— Расскажи тогда своими словами, — просит Пета, умоляюще глядя на Сашу. — Я не засну ни минутки, честное слово, не засну ни минутки. Пока не узнаю всего до конца.

— И я хочу знать, как отомстил Коба Гирголе, — говорит „Пончик“.

Рыжий прыгает на тахту и кричит:

— Да рассказывай же, рассказывай! Неужели ты хочешь, чтобы мы целую ночь мучились, думая: что же случилось с Кобой?

— Я совсем не хочу, чтобы вы не спали. Я могу рассказать вам все до конца. Слушайте же. Бедного Яго заковали в кандалы. Тогда Коба сломал каменную стену тюрьмы, разрушил окно с решеткой и выручил друга.

— Здорово! — говорит Рыжий.

— Они скрывались в лесу. Коба был отличным охотником. Многих оленей свалило его старинное ружье — мажари, и не раз друзья жарили на костре шашлык из оленины. И они жили в горах у ручья, — продолжает Саша.

— Неплохой шашлык! — говорит Рыжий, облизываясь.

— Друзья стали помогать беднякам, — рассказывает Саша. Однажды казаки хотели отнять у пастухов барана. Откуда ни возьмись появился Яго и отбил барана, а казак забрал в плен.

— Молодец! — говорит Пета.

— Но вот один предатель выдал их, и казаки подожгли дом, где друзья отдыхали. „Не станем погибать в огне, умрем смертью храбрых!“ — воскликнул Яго и прыгнул в окно. Вслед за ним выпрыгнул и Коба.

Рыжий вытянул шею, и веснушки его побавровели. У Шалико дрожат губы от волнения. Пета старается не проронить ни

одного слова. Даже толстый „Пончик“ весь обращается в слух.

— Кобе удалось бежать в лес...

— Ну, ну?

— А Яго?

— А Яго застрелили на месте солдаты...

— Ну, до чего несчастный этот Яго! Значит он так и не увиделся с невестой! — говорит Пета.

— Если бы я встретил этого подлеца Гиргола, я бы знал, что с ним сделать, — кричит Рыжий.

— Я не пощадил бы диамбеги, — говорит Пета тихо. — Вот к нам в Цавгли приезжал такой же злой диамбеги. И он отобрал у нас овцу...

— Послушай, Саша, а там дальше написано, что с Кобой? Отомстит ли он негодьям? — спрашивает Шалико.

— Конечно, написано. Коба подстерег в лесу Гирголу и подлеца диамбеги. Они мчались на тройке. Далеко разносился топот-копыт их лошадей. Вдруг из лесу грянул выстрел. Меткая пуля сразила сразу обоих.

Лицо рассказчика становится розовым от волнения.

— Это я, Коба! — крикнул Коба, — это вам обоим за Яго! И Коба исчез навсегда в лесу...

Фитиль в керосиновой лампе потрескивает, догорает. Мне вдруг чудится, что стена раздвигается, и я вижу густой дремучий лес и дорогу, и двух скачущих на тройке предателей. Из леса выходит Коба, высокий, плечистый, с кинжалом у пояса и с ружьем в руках. Он поднимает к плечу ружье, прицеливается и стреляет. Грузно вываливается диамбеги, схватившись за грудь, падает Гиргола, а Коба стоит и, усмехаясь, смотрит...

— Обязательно надо научиться стрелять так же метко, как Коба, — говорит Рыжий. — Тогда пусть посмеет этот Давыдов сунуть свой нос!

Мы сидим молча. Тетя Тасо возвращается усталая, вся запорошенная снегом.

— Уж поздно, дети, — говорит она. — Ну, и погода на дворе!

Мы прощаемся и уходим. На улице резкий горный ветер. Он гонит снег и наметает сугробы. По небу бродят синие облака, цепляясь за столпообразные башни Горис-Цихе. Мне даже чудится, что в бойницах старых крепостных башен мелькают огоньки. Мне страшно. Мрачный утес нависает над городком, над его потемневшими домишками. На улицах пустынно. Ночь.

СНЕЖНЫЙ САД

Глеб Семенов

Сад, нависший над рекой,
За ночь заporошило,
И узнать теперь легко
Всех гостей непрошенных! —

Вдоль березок молодых,
К старому курятнику,
Лисьи тянутся следы
Цепкой аккуратненькой.

Из-за бани в огород
Под кривой валежиной
Целый тракт большой идет,
Зайцами исслеженный.

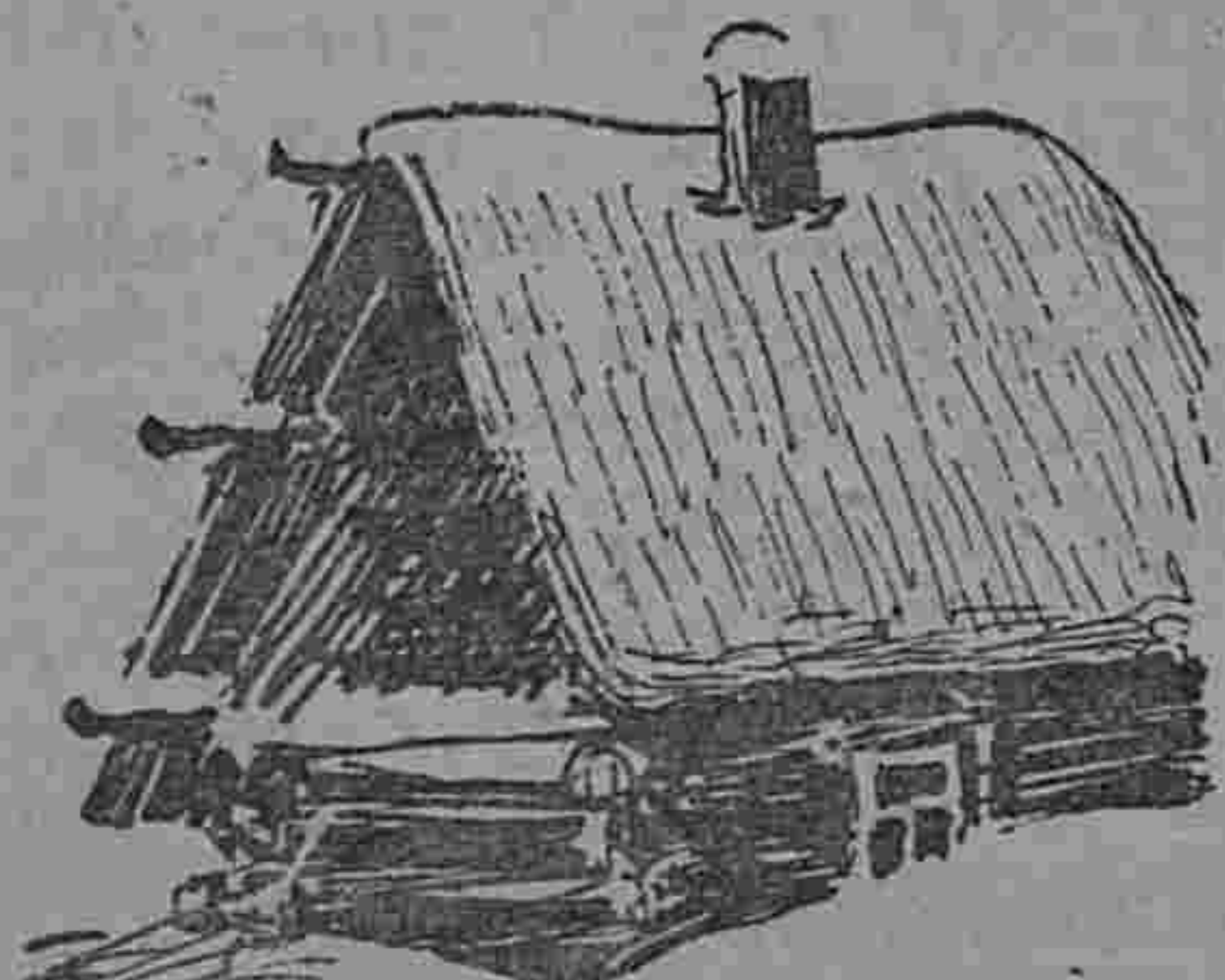
На сугробах у плетней
Птичьих лап петелины,
Как узор на полотне,
Вышитый затейливо.

За сараями хорён,
Как пером заржавленным,
Мелко вдоль и поперек
Исписал прогалину.

А наутро — хоть бы хруст!
Ветер спит под вербами.
Пламенеет наждый куст,
Что костер серебряный,

Солнце машет через дым
Полушалком розовым...
Хорошо искать следы
Во саду березовом!

Рис. В. Кобелева

ВЕЛИКИЙ ПЕДАГОГ

Константин Дмитриевич Ушинский был замечательным русским педагогом-преобразователем преподавания.

Свое детство он провел в усадьбе отца, небогатого помещика Черниговской губернии. Отец Ушинского — судья — слыл одним из самых образованных людей в родном Новгород-Северске. В усадьбе Ушинских была прекрасная библиотека, и маленький Костя с детства пристрастился к чтению. Двенадцати лет Костя поступил в гимназию. Он хорошо учился, ему без труда давался самый главный предмет — язык древних римлян — латынь. В гимназии того времени

изучали только старых русских писателей: Ломоносова, Сумарокова, Державина. Но гимназисты не довольствовались этим и сами переписывали стихи любимых поэтов — Жуковского, Пушкина — и заучивали их наизусть. Зачитывались они и повестями Гоголя, входившего тогда в славу.

Среди учителей Новгород-Северской гимназии находились и талантливые педагоги. Преподаватель истории сумел привить интерес к русской истории, любовь к своему родному городу — здесь было так много памятников старины. Директор гимназии Тимковский, знаток древней истории, превосходный оратор, иногда собирал мальчиков в зале и читал им лекцию, темой которой было какое-нибудь изречение древних писателей. Тимковский умел и воскресить мир древних, и научить мальчиков понимать величественную красоту древнего языка.

Хорошие были эти гимназические годы. Гимназисты сообща читали исторические романы Лажечникова, Вальтер Скотта — их неизменно приносил в класс Ушинский из дома. В свободные часы они бродили по окрестностям города, по цветущим лугам, густым сосновым лесам, ездили на лодке по широкой Десне или просто удили рыбу.

Костя не отставал от своих товарищей, только охотиться не любил: „Не вижу удовольствия в убийстве ни в чем неповинных птиц“, — говорил он. Зато он любил гулять в окрестностях городка, по высоким берегам Десны.

„Сколько перемечталось на этом прекрасном берегу, на этих кручах, нависших над рекою“, — вспоминал он позже.

Ушинский перешел в последний класс, когда в гимназии все изменилось. Рассорившись с начальством, ушел из гимназии Тимковский, а вскоре и другие лучшие учителя. А новый директор стал выводить „тимковщину“ — вольный дух гимназии.

Ушинский занимался теперь неохотно — он увлекался чтением. И это отразилось на выпускных экзаменах. Обладая большими знаниями, он все же не смог ответить на некоторые вопросы и не получил аттестата.

Это больно задело Ушинского. О нем всегда говорили: „Сын Ушинского подает большие надежды“. А он не оправдал доверия отца!

Выбираться из беды приходилось самому. Ушинский засел за книги, и целое лето Костю не видели ни на прогулках ни на вечерах. А осенью он уехал в Москву и там выдержал экзамен

в Московский университет. Он стал студентом юридического факультета.

Ушинский поступил в Московский университет в пору его расцвета, когда были приглашены лучшие профессора.

Ушинский хотел как можно больше узнать, а для этого он старался возможно разумнее распределять свое время. Обычно с вечера он составлял себе план на следующий день и потом проверял, как он был выполнен. Он вставал в четыре часа утра и сразу же начинал готовиться к экзаменам. Днем он читал то, что требовалось по тому или другому предмету, а вечером позволял себе про-

смотреть новый роман и сделать запись в дневнике. Дневник стал его лучшим другом — ему поверял Ушинский свои сокровенные мысли и мечты. В записях Ушинского можно найти, например, „рецепт“ — то есть правила поведения, которые он составил для себя, чтобы воспитать в себе волю и стойкость характера.

„1. Спокойствие совершенное, по крайней мере внешнее. 2. Прямота в словах и поступках. 3. Обдуманность действий. 4. Не говорить о себе ни слова. 5. Решительность. 6. Не проводить времени бессознательно, делать то, что хочешь, а не то, что случится. 7. Издерживать только на необходимое или приятное, а не по страсти издерживать. 8. Каждый вечер давать отчет в своих поступках. 9. Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет. 10. Никому не показывать этого дневника!“

Однажды Ушинский занес в дневник следующие замечательные слова: „Сделать как можно более пользы моему отечеству — единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направить все свои способности“.

В 1844 году двадцатилетний Ушинский прекрасно окончил университет, а через два года был назначен профессором истории в Ярославское высшее учебное заведение.

Своими знаниями, передовыми взглядами Ушинский быстро снискал любовь студентов. Но деятельность молодого профессора пришлась не по вкусу чиновникам. Произошли столкновения с начальством, и Ушинский должен был оставить место. Несколько тяжелых лет, когда Константин Дмитриевич должен был содержать семью на грошевое жалование чиновника, закончились, когда Ушинский получил место учителя в городе Гатчино под Петербургом. Здесь началась его педагогическая деятельность, здесь зародилась его слава передового учителя. О молодом педагоге стали говорить в столице. Его работы и деятельность привлекали к себе внимание всех образованных русских людей. И через некоторое время Ушинского пригласили в Смольный институт для благородных девиц.

В те годы в России кроме нескольких институтов, где учились девочки из дворянских семей, было очень мало женских учебных заведений. Барышни, окончившие институт, умели болтать по-французски, танцевать, но они ничего не знали и не умели трудиться. И вот Ушинский горячо взялся за преобразование Смольного института,

Он не был одинок в своих начинаниях. В 1859 году, после неудачного окончания Крымской войны, передовые русские люди поняли, что крепостнический режим Николая I несостоятелен, что крепостное право следует отменить, что нужно улучшить многие стороны жизни и прежде всего — преподавание.

Первое знакомство молодого инспектора с институтками произошло на уроке русской литературы. Дверь отворилась, и в класс в сопровождении начальницы вошел человек с красивым, несколько суровым лицом. Это был новый инспектор — Константин Дмитриевич Ушинский. Он хотел ознакомиться, как изучают русскую литературу.

Учитель вызвал первую ученицу и стал спрашивать ее о Пушкине. Девочка отвечала бойко. Но на вопрос, каково содержание „Евгения Онегина“, ученица, взглянув на преподавателя, растерянно замолчала.

— В институте нет библиотеки, и воспитанницам негде брать книг, — поспешил выручить девочку учитель.

Такая постановка занятий удивила Ушинского. Он спросил, кто читал „Мертвые души“.

Класс молчал. Тогда инспектор захотел узнать, читал ли кто-нибудь „Горе от ума“ или „Тараса Бульбу“.

Ответа не последовало, только шелест прошел по классу.

— Я знал, что вы мало знаете, но что вы так невежественны, этого я не предполагал, — произнес Ушинский. — Какой смысл изучать литературу без знания произведений?

После окончания урока в классе поднялся невообразимый шум. Девочки негодовали: каков инспектор! Как он смеет так разговаривать с ними! Смольный институт самый лучший! А он грубиян, не позволяет в знак „обожания“ вылить на шляпу духи. Ничего, начальница — „маман“ всесильна, и его приберут к рукам.

Разговоры не утихали до вечера. Появление Ушинского было настоящим событием в жизни института. В стенах института никто никогда не разговаривал так с воспитанницами.

Ушинский горячо взялся за дело. Он пересмотрел программы, ввел новые предметы, как естествознание и физику; организовал библиотеку и музей. Ушинский и вновь приглашенные им учителя ломали старые обычаи. Девочки, наконец, получили разрешение писать родным письма, не показывая их классной даме. В классах ученицам разрешили задавать учителю вопросы и беседо-

вать с ним после уроков. Говорили, что скоро исполнится мечта институток — их будут отпускать домой на каникулы.

Институт ожил. Раньше один день походил на другой, скучный и бессодержательный. А теперь — что ни день, то новости. Каждое слово Константина Дмитриевича, каждый его разговор возбуждал среди воспитанниц множество толков и споров. „Постепенно мы начали понимать, — говорит писательница Водовозова, — что инспектор стремится сделать нашу жизнь лучше и содержательнее, чем она была раньше“.

Однажды Ушинский посетил класс, в котором он был встречен так неприветливо. Теперь ответы учениц превзошли самые смелые его ожидания.

Но не все разделяли взгляды Ушинского, не все поддерживали его начинания. Среди педагогов и начальства находились приверженцы старой системы обучения. И в их глазах этот „представитель новых идей — Ушинский был развратителем юношества“.

Кто-то из врагов и недоброжелателей Ушинского написал на него донос. Какой жестокий удар! Константин Дмитриевич засел писать гневный отчет и три дня не выходил из своего кабинета. Он осунулся, на его висках засеребрилась седина. В эти три дня у него впервые хлынула кровь горлом, проявилась болезнь, которая уже давно подтачивала его здоровье.

„Можно погубить меня, но нельзя погубить моего дела“, сказал Ушинский своим друзьям.

Из института Ушинскому пришлось уйти. Но начатое им дело не заглохло — прежние институты для благородных девиц перестали существовать. К этому времени мечта Ушинского — открытие женских гимназий — была близка к осуществлению.

После ухода из Смольного института Константин Дмитриевич прожил еще восемь лет. За эти годы он написал много работ. Над одной книгой „Родное слово“ он работал с особой любовью. „Родное слово“ — книга для первых лет обучения, и Ушинскому хотелось, чтобы детям было интересно и весело учиться по ней. Он отбирал для „Родного слова“ рассказы и стихотворения лучших русских писателей, русские народные сказки, песни и пословицы. Много рассказов написал он сам. Успех книги был огромный — ее переиздавали больше двадцати раз, а некоторые рассказы печатаются и в наши дни.

Е. Привалова

★

СТАРИННЫЕ АНГЛИЙСКИЕ ЗАГАДКИ

Перевел А. Шмутьян

— Скажи мне, кто утром
Всех раньше встает,
Какой петушок
Никогда не поет?
— Горячее солнце
Всех раньше встает,
И флюгер-петух
Никогда не поет.

— Какую косой
Не накосишь травы,
И дереву как
Зеленеть без листвы?

— Девичьей косой
Не накосишь травы,
И ель зеленеет
Весь год без листвы.

— Какой это путь,
Что бежит без конца,
И есть ли на свете
Король без дворца?
— Путь Млечный бежит
В небесах без конца,

Червонный король
Не имеет дворца.

— Что в мире белее
И чище чем снег,
О доме каком
Не забудешь вовек?
— Любовь материнская
Чище чем снег,
О доме родном
Не забудешь вовек.

А К Т Е Р К А

Е. Верейская.

Рис. Н. Кустова

Овдовела я давно, а в двадцать первом году заболел мой сыночек — один у меня и был — да и помер. Осталась одна. Затосковала я, повесила замок на свой дом, а сама в Москву подалась. В тот год много в Москву немцев понаехало — на заводах наших работать. Вот к таким немцам я в няни и устроилась. Сам немец по-русски говорит, как мы с вами. А его фрау по-русски ни бе ни ме, — только улыбается да головой кивает. И мальчик у них — Робочка, два годика ему тогда было. Вот к нему-то меня в няньки и взяли. Привязалась я к Робочке, — ну, чисто к своему сыночку. От матушки моей от покойной я сказок русских да песен, считалок да прибауток видимо-невидимо знала. Хозяин доволен был: „мне — говорит — такую няню и надо, — люблю русский народный язык“. И Робочка, бывало, слушает, не наслушается. Один раз было так — Робочка тогда только-только лопотать начал. Я ему говорю: „Вырастешь, Робочка, будешь генерал.“ А Робочка думает чего-то да старательно так. И вдруг: „Генелал... забодал!“ Ну и смеху было! С этих пор, что ни слово, то все подбирает другое, чтобы складно вышло. Вот мне хозяин как-то и говорит: „У вашего русского писателя Пушкина, — говорит, — няня была Арина Родионовна, тоже вроде вас, всё сказки ему старые рассказывала да песни пела. Вон Робочка с этих пор всё стихи сочиняет, может быть, из него новый Пушкин выйдет, так и ваше имя, — говорит, — прославится“.

У меня ажно сердце распухло от гордости. Вот, думаю, нового Пушкина рошу.

А фрау-то наша как приехала — только улыбалась да головой кивала, — с тем и уехала. Мне вначале обидно было: лопочут они по-своему, я ничего и не пойму. Как стал Робочка подрастать, я его все и спрашиваю: как

это по вашему, да как это? Понемножку понимать стала, а там и сама заговорила. Как стали Робочку немецкой грамоте учить, — он сразу и меня! Была у него книжка любимая — немецкая сказка, называлась „Ди альте хексе“ — это „Старая ведьма“ значит. Вот все ее вместе и читали. А как Рождество — у них елка. Возьмутся все за руки, ходят вокруг и поют: „О, танненбаум, о, танненбаум, ви грюн зинд дейне надельн“. Это, если по-нашему сказать: „Уж ты, елочка, уж ты, елочка, как иголки твои вечно зелены“.

Так вот жили и жили, дружба у нас с Робочкой — водой не разольешь. Только шел уж ему одиннадцатый годок, как прибежал он раз в мою комнатушку, бросился ко мне на шею и заплакал: „Нянечка, папа мне сказал: уедем мы скоро, нельзя нам больше здесь оставаться!“

Я совсем слезами изошла, когда уезжали они. Уж и Робочка горевал! Ну, уехали...

Вернулась я потом в свою деревню, в колхоз вступила. Так и жила колхозницей до самой войны.

Началась война. Я все думаю, как же Робочка мой? Ведь взрослый он сейчас, небось, тоже в армию взяли. Как же он, думаю, против нас пойдет?

Вот придвинулся фронт к самой нашей деревне. И мы скоро очутились в тылу у немцев. С нашей деревни кто мог — в партизаны ушел. Когда спустили наши ребята под откос цельный эшелон немчуры поганой, нагрянул к нам карательный отряд.

Стоял мой домик на отлёте, на горушке. А с задворок моих — овражек глубокий вниз, к речке, и весь кустарником зарос. Из нашего подполья в этот овражек канава была устроена, чтоб суше в подполье было. Так вот наши — партизаны — канаву эту расчистили,

да через эту трубу прямо ко мне в подполье незаметно пробираться стали. И получился у меня вроде штаб главный. Кто что узнает из деревенских — ко мне. А ночью вдруг в подполье у меня коты замыкают, — это, стало быть, кто-нибудь из партизан ко мне за новостями пожаловал.

Так вот, нагрянули к нам каратели. Дело это было к вечеру, смеркалось уж. Я как раз только печку затопила, ко мне трое явились, — из начальников, видно. Часового с винтовкой у крыльца поставили, а сами прямо в спальню, и развалились двое сразу с сапожищами на мою на постельку. А третий к столу сел: „Ба-ба, — кричит, — само-вар!“

У меня руки-ноги трясутся. Стала я в кухоньке самовар ставить. Сама прислушиваюсь к их разговору. Стенка-то тонкая, все слышно. Сейчас их немного, говорят, пришло, а к утру ждут они большого подкрепления. Им-то, невдомек, что деревенская старуха по-ихнему понять что может, — говорят себе громко, не стесняются. Слышу, что-то заспорили, и что-то все „альте хексе“, да „альте хексе“. Эге, это ясно про меня! Те двое, что на кровати завалились, значит, говорят, что надо бы, мол, эту „альте хексе“ — ведьму старую — сейчас пытаться, чтобы выдала, где партизаны скрываются. А третий-то, что за столом сидит, не соглашается. „Вы, говорит, этого народа еще не знаете. А я знаю, как подойти надо. Эта, говорит, старая ведьма сама мне все выложит и дорожку покажет, и пароль скажет. Потом, завтра, ее, свинью русскую, вместе с остальными повесим“. А те двое, слышу, сомневаются, не верят. А этот-то как хватит кулаком по столу, да как гаркнет: „Не верите? — орет, — я через полчаса все знать буду, — не будь я Роберт фон Вассернагель, если не так!“

Я так и обомлела... Роберт фон Вассернагель! Мой Робочка?! Так вот зачем им мой народный русский язык понадобился! Зашлось у меня сердце, схватилась рукой за стенку, ноги подкосились, — и не помню, что было дальше. Очнулась: сижу на полу и кто-то меня ногой в бок пхает и орет:

— Самовар! Само-вар! Само-вар!

Вскочила я, разогрела самовар, а у самой-то мысли в голове: ш-ш-у-у... Закипел самовар, — вот, думаю, понесу его сейчас, увижу Робочку... То бишь Роберта фон Вассернагель... Не уронить бы... руки трясутся. Платок на самые глаза надвинула, чтоб не узнал. И то, думаю, — как ему меня узнать? Сколько лет прошло, тогда я еще полная да розовая была, а нынче уж совсем старуха деревенская. Ну, понесла.

Вошла. Лежат на моей постельке те двое, а третьего нет в комнате. Ушел куда надо.

Вернулась я в кухоньку, села. Слышу, те двое чай пьют, едят. Потом легли и захрапели сразу в два голоса.

Сижу я на скамье, в печку смотрю, думашку думаю. Как нашим-то дать знать, что враг в деревне? Смотрю в печку, а там дрова крупным угольем рассыпались, жару много-много, и огонь синий по всей печке полыхает. Погодите, угощу я вас сейчас, дружочки.

Тихохонько, на цыпочках, да в спальню. Те двое храпят во-всю. Неслышненько отдушину печную открыла, да обратно в кухню и дверь поплотней прижала, — трубу закрыла. Распахнула окошко в кухоньке настежь, сама в переднюю горенку вышла, к открытому окошку села, чтоб самой-то не угореть. Луна взошла, ночь видная, ясная. Вдруг слышу, — крадется кто... Выглянула, вижу, ползет по земле человек, оборванный весь, без шапки, в волосьях солома.

— Бабушка, — шепчет, — бабушка!

Встал на коленки под окном, голову поднял, упал лунный свет ему на лицо. Тут я его и узнала! Робочка...

До сей поры понять не могу, откуда на меня тогда спокойствие такое нашло, словно кто-то мне на ухо шепнул, что делать надо. Высунулась я в окошко.

— Тише, дружочек! — шепчу. — У меня немцы окайнные в доме спят. Ты откуда взялся?

— Спрячь меня, бабушка! — шепчет, — я только что от них из плена ушел. Спрячешь?

— Лезь, — говорю, — в окно. Спрячу...

Влез он. Сели мы в темном уголку, шушукаемся. Начал он мне рассказывать, что, мол, он из партизан, из другого отряда, вчера в плен попал, сейчас уйти удалось. Я одним ухом слушаю, а сама жду — вот он меня про наших партизан начнет выспрашивать. Ну, я ему такое про все навру: какой пароль у наших придумаю и дорожку подробно в Волчий лог — болото непролазное — объясню. Партизаны-то наши совсем в другом лесу, в обратную сторону. Ну, как выведает у меня все, пойдет своих дружков будить. А они и храпеть перестали, может уже дохленькие — угорелые. Увидит, в чем дело, поймет. Тут мне и крышка. Что же! Повесят, так повесят! Пожила, хватит. Да горько больно на душе: выходила, вырастила, песни русские пела, сказки говорила, нового Пушкина, вишь, подымала, — а кого выпекла?

А он как примется немцев ругать!

— Очень, — говорит, — сердце мое против них кипит!

И сам около сердца кулаком крутит, показывает, значит, как оно у него кипит, — да так натурально, чисто актер в театре.

Ах ты, думаю, актеришка! Ну, это мы еще посмотрим, кто кого переактерит!

— Бабушка, — шепчет он, — уходить мне надо, не хватились бы здесь. Как бы, — шепчет, — к вашим партизанам податься? С ними вместе немцев бить пойду.

— А что ж, — говорю, — дружочек мой. — Ясное дело, тебе к ним нужно. Я тебе все, все сейчас расскажу. Тебя как звать-то?

— Иваном, — говорит, — Ванюшкой.

— Так вот, — говорю, — Ванюшка, слушай, да запоминай.

Только начала ему дорогу в Волчий лог объяснять, как в подпольи вдруг: „Мяу!.. мяу!.. мяу!..“ Пробрался, стало быть, кто-то из наших. Как же мне сейчас — при этом-то, при подлюге, — в подполье лезть? А там снова: „Мяу!.. мяу!.. мяу!..“

Да напористо этак, нетерпеливо.

— Погоди-ко, — говорю, — кот у меня под полом разорался, выпустить надо.

Да и встаю. А он хватя меня за руку:

— Успеешь, — говорит. — Ты мне скорей объясняй, а то не проснулись бы.

— Вот то-то, — говорю, — и боюсь, как бы их кот не разбудил.

В это самое время в подполье как стукнет чем-то — прямо в пол. Гость мой насторожился.

— Чего это, — говорит, — у тебя там, бабушка?

Что делать? Ну, ладно, пойду напролом! Авось мы вдвоем с тем, кто пришел, этого одного одолеем...!

— А то, — говорю, — Ванюшка, что не ты один у меня спрятан. Сиди тут, я сейчас!

Я — в кухню, а он — за мной! Свету у меня в доме — только луна в окно. Лампу я нарочно не зажигала: не узнал бы он меня!

Как подняла я половицу, оттуда первым делом штык в лунном свете блеснул, а за ним уж человек с винтовкой лезет — Митя Пронин, сосед мой, парнишка лет семнадцати. И еще двое — тоже с винтовками. Последним вылез дядя Степан — мужик здоровенный, силач, — хромой на одну ногу. Увидал моего гостя —

тот в дверях стоит, весь на свету. Не шелокнется, смотрит, слушает.

— Это кто ж такой у тебя, бабка Наталья? — спрашивает Степан.

— Ванюшка, — говорю, — партизан из другого отряда. От немцев ушел, у меня спрятался.

А сама думаю, как бы это мне кого из них в сторонку отозвать да сказать.

— Бабка Наталья, какие у тебя новости? — Степан спрашивает.

— Ох, дружочки, — шепчу, — беда! Полна деревня немчуры паршивой.

Они все трое как засмеются! Степан поставил винтовку к стенке, да и шепчет:

— Устарели твои новости, бабка. Хочешь, мы тебе поновее новости расскажем?

Смотрю, — а уж у гостя моего и ушки на макушке.

— Вот наши новости какие, — Степан говорит, — в деревне немцев немного, и пулеметы их мы все пересчитали. — И дальше говорит: — Этот небольшой отряд вперед вырвался, а главная-то часть только к утру прибудет. Да опоздают они, — от здешних немцев только мокренько останется. Окружена деревня нашими, и только сигнала ждем... Часовых-то уже почти всюду сняли.

Тут мой гостюшка, — хватъ за степанову винтовку! А Степан его за руку, да так, что тот винтовку выронил и присел даже. Ох, и сила у этого Степы!

— Ты что же это, — говорит, — браток, а? Тот и глазом не моргнул.

— Пусти, — говорит, — дядя, уж раз наша тут взяла, хочу я тоже к бабушкиным немцам ворваться, штыком их побудить!

Ах, актеришка поганый! Ведь вот как повернул! А Степан ему:

— Коли ты партизан, браток, — должен порядок знать. Чужую винтовку цапать нечего. А бабкины немцы пусть дрыхнут, — мы их живьем в плен возьмем.

Гость-то мой на свету стоит, — а я-то в тени да за каждым его движением наблюдаю. Знаю: мне слово сказать, — и схватят его наши. Только такое зло меня взяло! Нет, — думаю, — не стану тебя выдавать, — так подстрою, сам себя выдашь со всеми потрохами!

— Нет, Степа, — говорю, — не выйдет твое дело, не возьмешь моих немцев живьем.

— Чего? — удивился Степан.

— А того, — говорю, — что я их, как захрапели, ха-арошим угарцем угостила.

Гость мой хоть бы глазом моргнул! — только чуть побелел. А Митька как прыснет.

— Дядя Степа, — шепчет, — дозволь, пойду гляну!

А гость мой:

— Я, — говорит, — пойду гляну. — Да и поворачивает итти.

— Стой, — Степан говорит, — ты безоружный.

Сел Степан на скамью и гостя моего за плечо взял, рядом посадил. А Митька уж из спаленки кричит, сам хохочет.

— Правда твоя, бабка! Готовы!

В это время в деревне — бах! бах! Ура! Ура! Пошла потеха! Ну, что долго рассказывать, — застали наши партизаны немчуру врасплох, — через полчаса ни одного гада не осталось. Как пальба-то началась, стал Степан с винтовкой к одному окну, двоих к другим окнам поставил, велел в немцев стрелять. И Ванюшке приказал от себя ни на шаг не отходить.

Тот и стоит. Иначе что ему делать? Видит, — все пропало, свою шкуру спасти надо. Так он все партизана, гад этакий, и представляет.

Как, значит, все кончилось, понабежали ко мне еще партизаны. Лучину в горнице зажгли, вокруг стола расселись. И гость-то мой с ними — тоже будто веселится. Ладно, думаю, — погоди! Крепок ты, вижу, — а выдержишь ли, что я тебе готовлю?

Ушла я одна в кухню, лампу маленькую засветила. Робочкину карточку достала, на стенку повесила. Платок свой бабий сняла, волосы на пробор разгладила, как тогда носила. Села прямо под робочкину карточку, так, чтоб лампа на нас на обоих светила, да и кричу:

— Дружочки! Помолчите-ко малость, я вам на радостях песенку спою.

Да сразу и запела.

— О, танненбаум, о, танненбаум, ви грюн...

Слышу: отлетела табуретка в сторону... Стоит в дверях мой гостюшка, весь белый...

— Няня! — кричит.

Ага, проняло-таки! Ведь вырвался крик этот супротив его желанья, очень уж неожиданно-негаданно все это ему было.

Встала я во весь рост.

— Нет, — говорю, — господин Роберт фон Вассернагель, — была когда-то няня, а теперь — старая ведьма. И надо вам было у этой старой ведьмы все про партизан выведать, а потом ее, свинью русскую, повесить. Да не вышло, вишь дело!

Он и смяк весь, прислонился к притолоке. Наши ребята за его спиной стоят, притихли, смотрят, что будет.

— Няня, — шепчет, — няня, да я же тебя не узнал... Неужели ж бы я...

А я и перебила:

— А это, — говорю, — господин фон Вассернагель, мне все едино. Раз пришли вы на нашу землю вешать да убивать, — какая же, говорю, я вам няня? Дружочки мои, — говорю, — берите его, немец это.

Он — хватя за карман. Револьвер, видно, тащить хотел. Да где ж там! Степан скрутил ему руки назад да и говорит:

— А я, бабка Наталья, сразу, как пришел, подумал: тут что-то неладное. Затем и не отпускал его от себя.

Гость мой смотрит на меня, глаза страшные...

— Няня, — говорит, — няня, неужели ты... ты меня на смерть посылаешь?

А у меня сердце, что кусочек льда.

— А уж это, — говорю, — не моего бабьего ума дело, что с вами дальше будет. Ведите его, — говорю, — с глаз моих долой.

Повели его. А я вернулась в кухню... А в эту самую минуту вспыхнула ярко моя лампа, осветила робочкину карточку на стене... Вот тут-то упала я на скамью, голову на стол уронила и заголосила, как над покойником. Да и то сказать, хоронила я в ту ночь Робочку...

Не того гада, что увели сейчас, а Робочку, мальчонку моего роденького...

— Ироды, — кричу, — окаянные! Из хорошего ребенка что сделали, а?...

Ну, вот и все. В ту же ночь до свету увезли меня партизаны на немецкой машине.

А что с ним сделали — я и не спрашивала.

Творчество наших читателей

КОСТЕР

Горит пионерский костер, разгорается:
Сосновые чурки задорно трещат,
Веселое пламя вверх забирается,
И по ветру искры снопами летят.

Вокруг пионеры сошлись веселиться,
Созвал барабан их на праздничный сбор.
Разглажены галстуки, радостны лица
И песня звенит: „Ты пылай, наш костер!“

Гори, разгорайся, костер, все сильнее!
Научится каждое сердце пылать...
Идите вперед, пионеры, смелее
И будьте готовы везде побеждать!

Юра Пиличев

Лит. группа Дворца пионеров

КАЗАК

По дороге в тишине
Едет всадник на коне.
У него в руке уздечка
И винтовка на спине.

Подъезжает он к поселку,
Видит хаты, дом родной.
Ох, как долго, ох, как долго
Он не виделся с семьей.

В первый раз у смельчака,
Видно, дрогнула рука:
„Эй, родные, выходите
Да встречайте казака!“

Виктор Лопатин

6 кл. 203 кл.

НОВЫЙ ГОД

Новый год. Спешит к нам елка.
Вот зеленая иголка,
Вот и дедушка Мороз!
Он подарки нам принес.

Мы у елки соберемся,
Заведем мы хоровод.
И запляшем, засмеемся,
Скажем: Здравствуй, Новый год!

Валя Ермолаев

3 кл. 179 шк.

РАССКАЖИТЕ НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

О МЕЧТЕ, КОТОРАЯ СБЫЛАСЬ

А. Панов

Ванька Жуков

... А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе мне хозяйка велела начистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной надсмехаются, посылают в кабак за водкой и велют красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой... А спать мне велют в сенях, а когда ребяенок ихний заплачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку...

Так писал своему дедушке в деревню ученик сапожника Ванька Жуков, герой рассказа А. П. Чехова.

Отрывок письма совсем коротенький, но мы узнаем всю жизнь Ваньки, безрадостную и беспросветную.

О жизни таких же детей бедняков у русских дореволюционных писателей можно найти не мало страниц.

В „Гуттаперчевом мальчике“ писатель Григорович рассказывает грустную историю маленького циркового акробата, сироты Пети. Его учитель — акробат „учил“ своего воспитанника с помощью угроз и кнута. Со временем Петя стал таким ловким и гибким, что его прозвали „гуттаперчевым мальчиком“ — мальчиком без костей.

В дни выступлений „Гуттаперчевого мальчика“ в цирк стекалось множество детей, сытых и нарядных. Они приезжали со своими родными или гувернантками и нисколько не задумывались как живет мальчику, который в красивом трико, усыпанном блестками, бесстрашно выполняет трудные и опасные номера. Но маленький акробат не долго радовал сверстников — баловней своей ловкостью и проворством: в одно из своих выступлений Петя сорвался с шеста и разбился насмерть...

История Ваньки Жукова и „гуттаперчевого мальчика“ это только два примера из жизни

обездоленных детей царской России. На самом деле их были тысячи и тысячи, и у всех у них была одинаковая судьба — печальное детство, изнурительный труд, побои и никаких надежд на лучшее будущее. Так в прежнее время намечались те грани, которые на всю жизнь разделяли людей.

Замок из льда

В Германии еще задолго до войны произошел такой случай: несколько молодых людей, — были среди них и архитекторы и художники, — никак не могли подыскать себе работу. Они были готовы приняться за любой труд, но, увы, никакого заработка не находилось.

Они совсем обнищали, когда одному из них пришла мысль построить в парке ледяной замок. Настоящий замок с башенками, с мостом перекинутым через ров, с ледяными стражами — рыцарями в доспехах из льда!

Чудесный ледяной замок привлек внимание множества любопытных. Они не скупясь платили строителям, чтобы взглянуть на диковинный ледяной дом. Деньги, которые молодые люди никак не могли заработать полезным трудом, теперь щедро стекались к ним. Однажды ледяной замок приехал посмотреть крупный промышленник. Он долго разгуливал по ледяным залам и похвалил затею строителей. Когда же архитектор замка заметил, что такой замок можно было бы выстроить из более прочного материала чем лед, промышленник оборвал его: „Камень, бетон и железо нужны для военных сооружений“.

Весной чудесный ледяной замок растаял, а с ним исчезли надежды его строителей получить работу...

Безработица — это страшная болезнь тех стран, где одни люди владеют заводами и фабриками, а другие должны продавать свой труд. Так было и в России до Октября. И в старых газетах, в отделе хроники можно было очень часто прочесть, что люди, дове-

денные до нищеты и отчаяния предпочитали умереть, чем продолжать влачить унижительную и жалкую жизнь безработного. А в нашей советской стране безработных не может быть. Нам нужно много специалистов — агрономов, строителей, педагогов, геологов, врачей, художников, — словом, людей разных профессий, мастеров своего дела. Потому что в нашей стране — все хозяева, и работы для всех — непочатый край.

Герой Советского Союза летчик капитан Литаврин, с которым мы как-то беседовали, сказал:

— В хорошее время живем мы. Каждый человек может учиться и получить интересную для себя работу. Я еще пионером мечтал стать летчиком и добился своего. Надо только уметь мечтать и уметь осуществлять свою мечту.

Быль — сказка

Вы наверное читали сказку писательницы Е. Данько „Побежденный Карабас“. Вы помните папу Карло, бедного, старого шарманщика, у которого так весело жилось куклам в Тарабарской стране. Но вот папа Карло опасно заболел — и что же? Никто, ни один врач не хотел без денег лечить папу Карло. Как ни молили куклы бессердечных докторов, ни один не сжалился над стариком. Что было делать куклам? Они думали, думали и решили отправиться в Ленинград. Много было у них разных приключений, но в конце концов все завершилось благополучно, папа Карло поправился и снова стал показывать уже в Ленинграде чудесные представления в своем кукольном театрике.

Конечно, „Побежденный Карабас“ — это сказка, но сказка правдивая.

Эта сказка вспоминается всякий раз, когда попадаешь в такие больницы, как, например, больница при оптическом заводе имени ОГПУ в Ленинграде.

Вы входите в палату, и она поражает вас своей чистотой, удобствами и уютom. Вы присутствуете при завтраке больных и забываете, что находитесь не дома, за чистым, красиво накрытым столом. Самовар сияет так приветливо, а кругом столько цветов, картин, света и воздуха! Наши врачи знают, что человек успешно поправляется если он спокоен и чувствует себя как дома. Это быль, а наверное многим беднякам вроде папы Карло она показалась бы сказкой!

Человеку нужен отдых

Писатель А. Серафимович рассказывает такой печальный случай.

Когда у Антипа Коключина серьезно заболела дома в деревне жена, он пришел к хозяину и попросил на время отпустить его. Хозяин выслушал Коключина и сказал грубо:

— Что же, она без тебя не сумеет помереть, что ль?

Но все же смилостивился и отпустил Антипа на два дня.

Денег у Коключина не было, чтобы ехать на пароходе, и он решил проехать без билета, „зайцем“. Но его задержал контролер и не отпустил на берег.

Антип задумал бежать с парохода и прыгнул за борт. Но увидеть больную жену ему было не суждено: на глазах у пассажиров он пошел ко дну...

Этот страшный случай теперь никогда не может повториться. Каждый знает, какая забота и внимание оказываются людям в нашей советской стране.

В санатории, в здравнице, в дома отдыха, в туристские экскурсии едут люди самых разных специальностей, самых разных профессий — кузнецы, ученые, танкисты, счетоводы, повара, штукатуры, поэты. Дети на каникулы тоже уезжают в свои санатории, свои дома отдыха, свои пионерские лагеря.

А те из ребят, кто учился особенно хорошо, кто сделал что-нибудь особенно хорошее, те едут в Артек — самое чудесное, самое красивое, самое веселое место отдыха в нашей стране. Может быть, и вы уже побывали там?

Мамы всякие важны

Вы, конечно, помните стихотворение Сергея Михалкова — в нем ребята спорят какая мама важнее всего — врач, портниха, летчик и так далее. Оно кончается словами:

Мамы всякие нужны.

Мамы всякие важны.

А знаете ли вы, что это стихотворение могло быть написано только в нашей стране, только в наше время?

В царской России женщина не пользовалась одинаковыми правами с мужчиной, она не могла учиться во многих учебных заведениях, да и вообще очень многие женщины на всю жизнь оставались безграмотными и полуграмотными. А о том, что женщины могут участвовать в государственной жизни, не могло быть и речи.

Не даром замечательный русский поэт Некрасов говорил:

Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Всю жизнь женщина оставалась рабой мужчины — сначала отца, который по своему усмотрению мог распоряжаться судьбой своей дочери, затем — мужа, который мог бить, истязать, принижать свою жену.

А если женщине приходилось работать, то её все же не считали за настоящего человека — ей даже платили меньше.

В память от этих времен бесправия женщин остались поговорки и пословицы: „Курница не птица, баба не человек“, „Волос долог, да ум короток“.

Только в советской стране женщина получила равноправие, уважение и право распоряжаться своей судьбой. вспомните наших славных героинь летчиц — Гризодубову, Раскову и Осипенко. вспомните девушек — бессмертных героинь Великой Отечественной войны: Зою Космодемьянскую, Наташу Ковшову, Людмилу Павличенко, героинь „Молодой Гвардии“, самоотверженных ленинградок.

Огромная сила — женщины нашей страны. Они доказали это своими подвигами в тылу и на фронте, в мирное время и в дни войны.

Вот почему мы говорим: „Мама всякие важны“.

„Союз нерушимый республик свободных“

Знаменитый украинский поэт Тарас Шевченко очень любил свою родину — Украину. Любил ее вишневые сады, белые уютные мазанки, стройные тополя, бескрайние степи, плавные воды Днепра, тишину темных украинских ночей. Все это он воспевал в своих стихах, собранных в книге под названием „Кобзарь“, что значит певец народных песен.

Но этой любви к родине царское правительство не простило поэту. Его заточили в тюрьму, потом сослали, и он жил изгнанником. Его судьба сложилась так трагично, потому что царские чиновники хотели подавить все народное, заставляли украинцев говорить и печатать книги на русском языке и даже заставляли называть Украину — Малороссией.

Украинцы не были исключением. Гнет царизма испытывали и другие народы. Узбеки в своем письме к товарищу Сталину писали:

Мы хлопок сеяли и хлеб, но урожай
Царь отбирал у нас и обнаглевший бай.
Тюрьма и голод, плеть и виселица, — вот
Что на своей земле имел народ.

Все это было, и все это прошло. Теперь дружно живут народы братских республик нашей великой Родины. И когда фашисты напали на нашу страну, все народы встали на ее защиту. Дружбу народов Советского Союза можно видеть на примере обороны нашего города — Ленинграда. Здесь под стенами города Ленина рядом с русскими проявили свое искусство сверхметкого стрелка и якут Ахат Ахметьев, и казах Сарсембай Рустамбеков, и белорусс Смолячков. Здесь сражались сыны Татарии отважные танкисты

Галим Хамидуллин, Кимила Акчури, артиллерист Газизов, пулеметчик узбек Катон Пахман, летчик армянин Степанян, и азербайджанец Гусейн Алиев Бада и много других отважных людей, пришедших со всех концов нашей страны защищать город Ленина.

Вот почему в государственном гимне СССР поется:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз.

Великий Сталинский закон

Право на счастливую жизнь мы завоевали в дни Великой Октябрьской социалистической революции и отстаивали это право в боях с врагами нашей Родины. Мы любим нашу Родину, мы ценим наше право радостно трудиться, весело отдыхать, избирать себе любимое дело.

Мы поем:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Так поют в белорусской хате, в карельской избе, в киргизской кибитке, в горской сакле, в ненецком чуме.

Эту гордую песню наши славные бойцы поют в Берлине, пограничники — на Курильских островах, полярные зимовщики — в Арктике, рыбаки — на Черном море.

Золотыми буквами мы пишем
Всенародный Сталинский закон.

Ваньку Жукова и „гуттаперчевого мальчика“ теперь не встретишь ни в одном городе, ни в одном селе. Теперь все люди нашей страны могут учиться и работать.

Этих дней величие и славу,
Никакие годы не сотрут.
Человек всегда имеет право
На ученье, отдых и на труд.

Великая мечта человечества осуществилась в нашей стране.

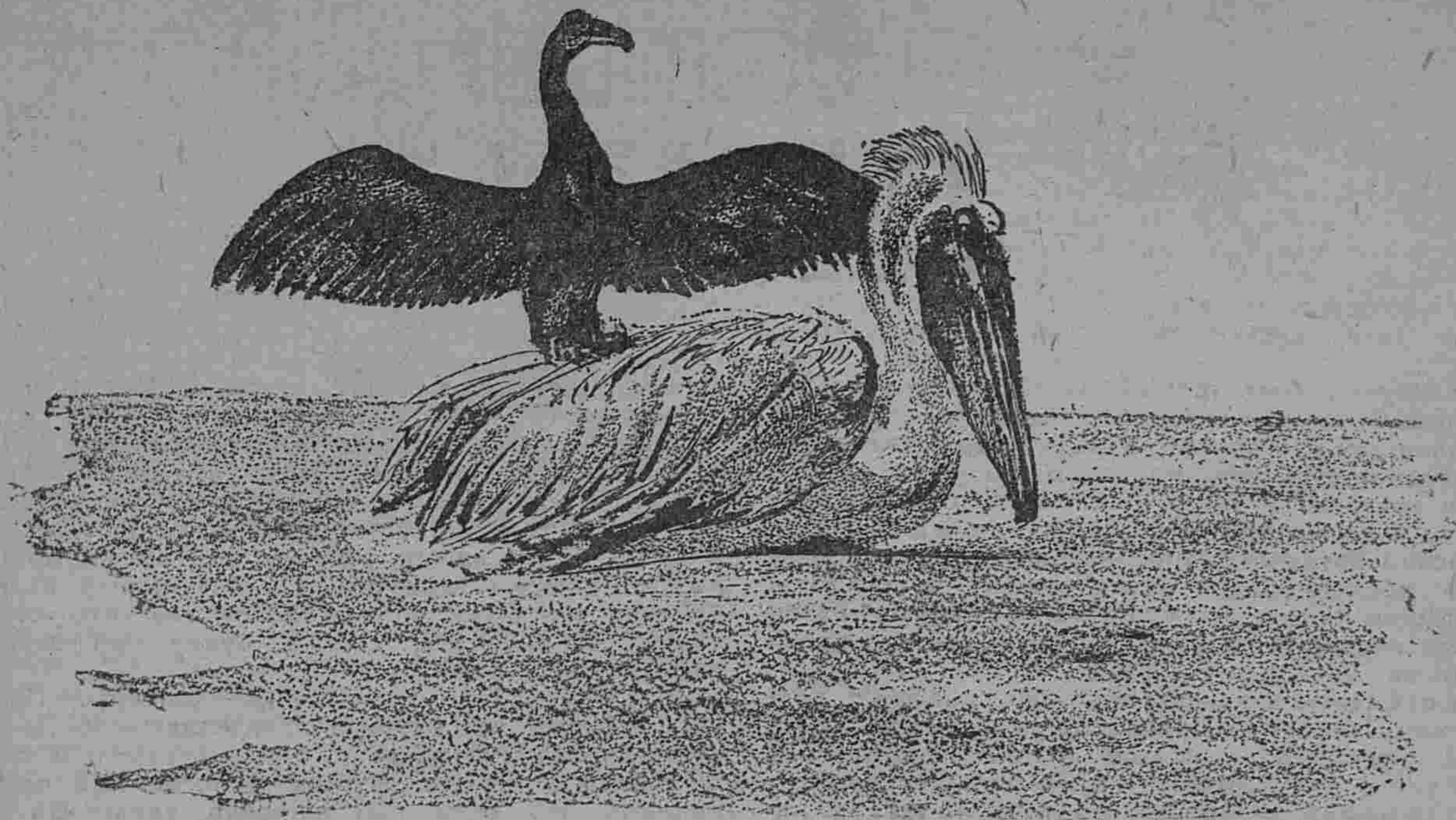
Это записано в Великом Сталинском законе, конституции советского народа. Этот закон нам, советским людям, дал Великий Сталин.

ШАРАДА

Мой первый слог легко найти средь нот,
Второй же послужил причиной спора
Комических друзей из „Ревизора“,
А третий слог узнает сразу тот,

Кто в речь умеет вслушаться живую.
И целое теперь вам назову я:
Прошедший век ценил его, а наш
Забыл про устарелый экипаж.

★

БАКЛАНЫ И БАБУРЫ

И. Соколов-Микитов

Рис. В. Курдова

На Каспийском море живет большая белая птица — бабура. У этой птицы есть под клювом кожаный мешок, в который она рыбу прячет. Весною бабуры-пеликаны охотятся на рыбу так. Соберутся на отмели большой артелью, окружают цепью косяк рыбы и давай хлопать крыльями по воде. Шум поднимется такой, что издали можно подумать — скорый поезд мчится. А это птицы рыбу облавой загоняют. Пригонят рыбешку к берегу, на мелкое место, и — пир пировать. Наглоются живой рыбы, а чего сразу не могут съесть — в свои подклювные мешки про запас спрячут.

Мне много раз самому приходилось стрелять в пролетающих с рыбного промысла бабур, тяжело нагруженных добычей. Выстрелишь, бывало, а бабура первым делом рыбу выбросит из мешка, иногда еще живую. Точно откупиться хочет:

— На, мол, бери, охотничек, всю мою добычу, только, пожалуйста, меня не трогай!..

Замечательные птицы эти живут в большой дружбе с другими морскими птицами — с бакланами. Среди морских птиц баклан справедливо считается самым лучшим нырцом. Подолгу может оставаться на глубоких местах баклан под водою. Много дорогой рыбы уничтожают бакланы, поэтому рыбаки бакланов очень не любят.

Охотникам известно, что у бакланов нет жировой смазки, как у других водяных птиц —

уток, гусей, лебедей, и перья их скоро намокают в воде. Поэтому время от времени баклану нужно сушиться. На берегу моря, на камнях, часто можно видеть, как, подняв мокрые крылья, сушатся на ветру черные бакланы.

У бабур и жировая смазка имеется, и плавают, и летают они хорошо, а нырять совсем не умеют. Только и добыча у неуклюжей бабуры, что на отмели у берега рыбешка попадет. Вот и вышло у бакланов и бабур как бы взаимное соглашение помогать друг другу на открытом море в рыбной ловле.

Где на глубоком месте вдали от берегов ныряют, достают с морского дна рыбу нырци-бакланы, там обязательно и бабуры наверху плавают. Ныряет, ныряет баклан, наестся досыта рыбой, крылья намокнут, — надо сушиться. До берега лететь далеко. Поймает баклан лишнюю рыбешку, подплывет к бабуре, и такой, будто, происходит у них разговор:

— Позволь, дружок, на твоей спине обсушиться.

— Рыбку дашь — пушу.

Отдаст баклан рыбку прожорливому приятелю, а бабура за это позволяет ему взобраться на свою широкую спину. Обсушатся бакланы и опять нырять, со дна моря рыбу ловить, а бабуры наверху плавают, спокойно ждут подачи.

СЛОНЫ АРТИСТЫ

В погожий, безветренный октябрьский день на небольшой южной станции остановился эшелон, следовавший из Грозного в Ленинград. Осмотрщик вагонов, постукивая молотком по буксам, шел вдоль состава. У одного из вагонов железнодорожник в изумлении остановился: большой пулмановский пятидесятитонный товарный вагон медленно раскачивался из стороны в сторону. Осмотрщик отошел на несколько шагов назад и снова поглядел на вагон, но уже издали: вагон продолжал мерно качаться.

Тем временем к вагону подошли рабочие с ведрами воды и открыли дверь. Изумление железнодорожника возросло еще больше: из вагона высунулись два длинных серых шланга, напоминающих пожарные, и быстро втянули ведра наверх.

Тогда осмотрщик решил заглянуть внутрь вагона. И тут все объяснилось само собой. Оказывается, в вагоне ехали два слона циркового артиста-дрессировщика Александра Корнилова. Переступая с ноги на ногу, слоны Рангу и Джильда невольно раскачивали вагон.

Это неудивительно! Ведь слон весит немного-немало — около трех с половиной тысяч килограммов, а то и больше. Даже самая молоденькая из питомцев Корнилова, ехавшая в соседнем

вагоне, двенадцатилетняя малютка Интра и та весит тысячу двести килограммов.

Слоны напились. Набрал воды и паровоз. Эшелон тронулся. Путь до Ленинграда утомительно долог. В закрытых наглухо товарных вагонах темно и прохладно. Иное дело — поездки весной и летом; дверь вагона открыта, все время можно дышать свежим воздухом. На остановках встречающие подносят слонам лакомства: кто сунет слону яблоко, кто свеклу, булку или охапку свежего сена.

Не подумайте, что слоны — обжоры. Правда, дневной их рацион превышает сто килограммов: тут и фрукты, и хлеб, и сахар, и сено и даже... веники. Восемь килограммов одних веников! Но если бы человека увеличить до размеров слона, он съедал бы за день ничуть не меньше.

Впрочем, в пути все кажется лакомым. Слоны не прочь поживиться даже тем, что плохо лежит. Как-то на остановке проводник, чистивший их вагон, повесил на стену свой пиджак, а сам куда-то ушел. Слон снял пиджак с гвоздя, положил на пол и, придавив ногой, оторвал рукав и отправил его в рот. Пожевал, показалось вкусно. Тогда слон, не торопясь, доел и остальное. Съел даже и документы, находившиеся во внутреннем кар-

мане. Вернулся проводник, пиджака-то и нет. Туда-сюда — нигде не находит. Решил, что украли. И вдруг на полу заметил пуговицу, рядом другую, третью. Ну, ясно кто украл — слон.

Это происшествие причинило много хлопот проводнику. Доказать в милиции, что документы съел слон, было совсем нелегко — никто не хотел верить.

Только другое приключение, в котором слоны уже выступили как обличители, наконец, убедило сомневавшихся.

А дело было так. Администрация цирка предложила поместить в вагон со слонами ящики с вещами артистов. Корнилов отказался, доказывая, что слоны могут испортить и даже съесть вещи. Его не слушали и, в конце концов, решили поставить в вагоне постоянную охрану.

Сперва все было благополучно: слоны не прикасались к вещам. Охранники успокоились и перестали обращать на слонов внимание.

Раз, когда охранник заснул, слон подошел к одному из ящиков и легонько надавил на него ногой. Ящик рассыпался, вещи вывалились. Наиболее съедобные вещи, с его точки зрения, слон попробовал. Сначала он съел сапоги, потом принялся за костюмы. Но слон поедал не все и даже оставлял „вещественные доказательства“: пуговицы, металлические предметы, каблучки с гвоздями — это даже слону показалось невкусным. Нерадивые проводники проснулись уже слишком поздно. А слоны только благодушно покачивали хоботами: „не спи на посту, не спи на посту“.

Дорога длинная, и слоны скучают в пути, а иногда начинают безобразничать. Вот слон поднимается во весь рост и, поднатужившись, с треском выдавливает крышу. Сильный порыв ветра помогает слону и сносит крышу совсем. Сиам радостно трубит: „Вижу свет!“

Но не долго радуется слон. Осенний дождь стучит не по крышам, а прямо по спинам Сиам и Интры. Бр-р, холодно!

После длительных странствований и многих приключений, эшелон остановился, наконец, у дебаркадера Московского вокзала. К вагонам, в которых находились слоны, подставили трапы. Прежде чем ступить на трап, каждое животное осторожно ощупывало его ногой, внимательно прислушиваясь не раздастся ли треск. Слоны прекрасно сознают свою тяжесть, и если, например, Рангу трап покажется ненадежным, она ни за что не спустится по нему.

Но вот трапы опробованы, слоны спускаются на землю, выходят на площадь и шествуют по улицам Ленинграда к цирку. А за ними, прямо как в крыловской басне, „толпы зевак ходили“.

Слоны в Ленинграде — диковинные животные, ведь в блокаду в городе не было ни одного слона. Последняя слониха Бетти погибла в 1941 году от немецкой бомбы, попавшей в Зоосад.

В цирке слонов разместили в специально подготовленном, хорошо натопленном помещении. Вместе со слонами поселился закадычный друг Интры — кавказская овчарка Пират. С этой собакой Интра несколько лет прожила в зверинце. Она так свылась с Пиратом, что без него не ступит ни шагу. В отсутствие Пирата Интра нервничает, никого не слушает, отказывается от еды.

Слоны-артисты отдохнули после пути, и на следующее утро Александр Николаевич Корнилов вывел их на цирковой манеж.

В цирке при работе с животными оправдывается поговорка: „повторение — мать учения“.

Слоны выступают третий сезон. Это значит: один номер они повторяют на арене несколько сот раз, и все же каждый день Корнилов еще и еще репетирует, добиваясь еще большей слаженности, еще большей четкости в работе своих четвероногих артистов.

Во время репетиций Интра остается в слоновнике. Она еще молода и не обучена. Бедняжка скучает в одиночестве. Ведь репетиция длится долго — два-три часа. Иногда она подает голос и просит, чтобы ее тоже взяли на манеж. Тогда Корнилов заходит к Интре, гладит ее, успокаивает.

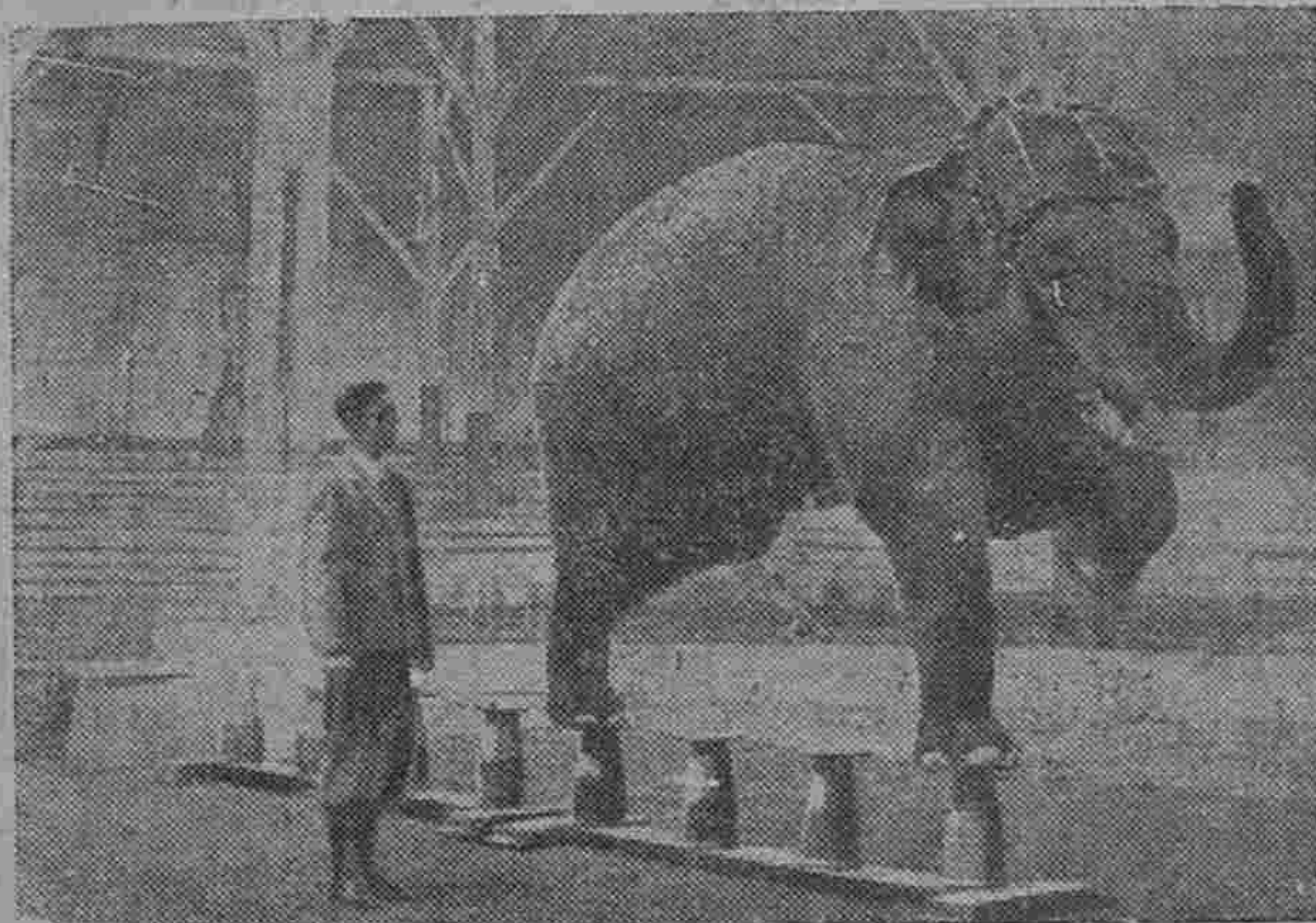
— Погоди, малютка, — ласково говорит он ей. — Скоро начнем готовить новую программу, тогда и тебе найдется дело.

А на манеже творятся чудеса. Рангу ходит по барьеру, Сиам делает стойку на голове, Джильда раскланивается перед публикой. Иногда слоны ходят только на передних или только на задних ногах, или стоят на тумбе на одной ноге, поднимают хоботом к себе на спину танцовщиц и т. д. Ясно, что стойка на голове или на передних ногах не так-то проста для слонов. Этому их надо научить. Как же они постигают эту сложную науку?

Трудно представить себе, сколько настойчивости, терпения, выдумки, силы воли и даже физической силы пришлось положить Корнилову и его помощникам, чтобы приучить слонов работать перед зрителем.

Джильда, Рангу и Сиам попали к Корнилову совсем необученными, распознать их характеры, разобраться в их способностях и наклонностях, приучить к себе было не так уже просто.

Теперь Александр Николаевич знает, что Рангу — работяга, но для того, чтобы заставить ее слу-

шаться, надо построже прикрикнуть на нее, наказать за непослушание. А вот Джильда — хитрая лентяйка и капризуля. Стоит ее наказать, и Джильда обидится, перестанет совсем работать, откажется от еды.

Труднее всего было укротить и обучить Сиам. Это — врожденный артист, очень способный и талантливый. Сиам все быстро воспринимает, понимает дрессировщика с полуслова, но характер у этого двадцативосьмилетнего молодого человека еще тяжелее, чем его вес. Вдобавок, Сиам коновод всего стада. Если он захочет — и Рангу, и Джильда, и маленькая Интра взбунтуются и перестанут слушаться дрессировщика. Поэтому особое внимание Корнилов обращает именно на Сиам.

Вот как Корнилов научил слона стоять на одних передних ногах.

Под задние ноги слона он подставлял невысокую тумбу. Рабочие подходили к слону и вытягивали эту тумбу. Одновременно дрессировщик слегка ударял по задним ногам хлыстом. И слон невольно опирался на передние. Все это проделывалось несколько десятков раз и, наконец, слон привык приподниматься от одного прикосновения хлыста. Наконец, убрали и тумбу. Легкий удар хлыста, и слон знает, что должен встать на одни передние ноги и как бы по привычке проделывает этот „пируэт“ и без вспомогательной тумбы.

В иных случаях дрессировщик применяет способ пищевого, если можно так выразиться, воздействия. Для того, чтобы слоны подпускали к себе и сажали на спину танцовщиц, артистки брали лакомства: овощи, сахар. Всякий раз, когда слон на репетиции поднимал хоботом на спину артистку, она давала животному что-нибудь вкусное. Это слонам понравилось и совместное представление с танцовщицами они проводят особенно охотно.

У слонов очень хорошая память. Они надолго запоминают и добро, и зло, и всякие удивившие их случаи.

Один из уборщиков стал бить Сиам, причинять ему боль. Слон обозлился, а раз даже рассвирепел и хоботом отшвырнул рабочего в сторону. Пришлось отправить уборщика в больницу. Когда рабочий вернулся, Сиам не только не подпустил его к себе, но и всякий раз нервничал, когда в толпе чувствовал присутствие ненавистного ему человека.

А вот другой случай. Однажды, во время представления, возле самого барьера прошла девушка в беличьей шубке. Слона смутила шубка: „что за незнакомый зверь?“ Он трубно известил остальных слонов: „опасность!“ В течение нескольких представлений слоны внимательно осматривали передние ряды кресел: не обнаружится ли опять невиданная зверюшка? Как-то раз дрессировщик заметил, что слоны нервничают. Корнилов не мог понять в чем дело. Но, оглядев цирк, Александр Николаевич заметил невдалеке женщину в беличьем манто. Много труда и напряжения пришлось приложить в этот вечер Корнилову, чтобы отвлечь внимание слонов и заставить их так же четко, как всегда, исполнить свою программу.

Ласка и укор, лакомый кусок и удар бичом поощрение и наказание и всегда — упорный труд, настойчивость и терпение — вот основа дрессировки этих умных животных.

А. Клячкин

Зимняя сказка

Дочери Ларисе

Поземка утихла, и полночь светла,
И месяца луч раскален добела.
Как в старые годы, как в прежние

дни,
В столовой на елке — цветные огни.
Я рядом с собою тебя посажу
И новую сказку тебе расскажу.
Росла эта елка в Шелонских лесах,
А может, в Синявинских стыла

снегах,
А может, у Мги,
Где не видно ни зги,
Рубцы на стволе оставляли враги.
И заяц у елки тогда не петлял,
В окопе под нею гвардеец лежал.
Я зимнюю сказку тебе расскажу,
Как, выставив иглы, подобно ежу,
Пушистая елка укрыла бойца
От вражеской пули, от злого

свинца,
И выстрелом метким, ответным
огнем
Он немца сразил на снегу голубом.
С тех пор миновало немало ночей,
Врагу не топтать уже русских

полей.
Солдатская вера крепка и светла.
... А елка стройнее и краше росла
У Мги, где дорогой ушел фронтовой
На Запад, на Запад стрелок молодой,

А может, в Синявинском черном
бору,
А может, на вольном Шелонском
ветру,
Чтоб нынче на празднике светлом
твоём
Сиять новогодних огней серебром.

Петр Ойфа

ПЛОЩАДЬ ДЕКАБРИСТОВ

Есть в Ленинграде, у самого берега Невы, прекрасная площадь — площадь Декабристов. С одной стороны площади — Адмиралтейство, построенное архитектором Захаровым. Напротив — бывшие здания Сената и Синода, сооруженные Росси; они соединены легкой аркой, перекинутой через улицу. Поодаль возвышается величественный Исаакиевский собор, создание Монферана.

Посреди площади, на гранитной скале, похожей на гребень волны, — памятник Петру I — „Медный всадник“, одно из мировых произведений скульптуры. Скульптор Фальконет изобразил императора на скачущем коне; правая рука Петра простерта вдаль.

Площадь незаметно переходит в набережную Невы. На минуту подойдите к гранитному парапету и внимательно оглядитесь кругом. Величественно и плавно катит свои воды Нева. На другом берегу — здание Академии Художеств, университета, Академии Наук, а на стрелке Васильевского острова — Фондовая биржа с ее торжественной колоннадой и две Ростральные колонны. А еще правее — золотой шпиль Петропавловской крепости, такой высокий, что кажется, что он задевает летящие облака. А как чудесно светятся по вечерам цепочки огоньков двух мостов: Лейтенанта Шмидта и Республиканского.

Мы гордимся не только красотой планировки и архитектуры этой площади. Нам дороги те события, которые произошли на ней сто двадцать лет тому назад.

Тогда площадь называлась Петровской и имела совсем другой вид. Подле Адмиралтейства тянулся узкий бульвар. Исаакиевский собор еще строился, и место постройки было обнесено досчатым забором. Вместо аллеи, ведущей к Дворцу Труда, находился, засыпанный теперь, Адмиралтейский канал.

14-го декабря 1825 года на площадь с развевающимися знаменами вышли гвардейские полки и построились около памятника. Гвардейцев окружила толпа.

День был тревожный. С утра все в городе знали, что император Александр I умер, и на

из ПРОШЛОГО
НАШЕГО ГОРОДА

престол должен вступить Николай. Но гвардейские офицеры не хотели признать его царем. Если помочь его брату Константину занять престол, рассуждали мятеж-

ники, то он станет слушаться советов офицеров-дворян, и тогда будет возможно облегчить участь народа. Мятежные офицеры отказались присягать Николаю.

Во главе восставших офицеров были наиболее передовые и образованные люди. Они видели нищету и бесправие русского народа; все они были против крепостного права. Просвещенные офицеры знали, что во Франции, где народ также был угнетен, французы устроили революцию и казнили своего короля. У себя в России гвардейские офицеры организовали тайные общества. И вот главари этих обществ вывели войска на площадь, чтобы поднять восстание.

К мятежникам присоединились мастеровые, строители Исаакиевского собора и крепостной люд. Тем временем войска Николая окружили площадь и закупорили все выходы. У Адмиралтейства и у канала были поставлены четыре пушки. Николай сам было поехал на площадь усмирять восставших, но испугался и вместо себя послал генерал-губернатора Милорадовича. Тот пытался уговорить мятежников мирно разойтись, но раздался выстрел — это выстрелил из пистолета революционер Каховский, — и Милорадович был убит.

Это послужило сигналом. Толпа начала забрасывать царские войска камнями. На площадь вышло духовенство в полном облачении. Митрополит еще раз хотел попытаться уговорить мятежников, но его слова заглушила дробь барабанов.

Когда Николай узнал, что мятежники не сдаются, он приказал открыть огонь. Раздались ружейные залпы, и разом выпалили все пушки. Мятежники дрогнули, но бежать было некуда. Все выходы с площади были заняты. Оставался только один свободный путь — через Неву. Лед не выдержал тяжести толпы и треснул. Много раненых и убитых осталось на площади, но еще больше утонуло.

Руководители восстания: Пестель, Каховский, Рылеев, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин были казнены. Больше ста двадцати офицеров Николай I разжаловал в солдаты и сослал на каторгу. Тысячи солдат были наказаны шомполами.

Этих людей, дерзнувших восстать против царя и самодержавия, стали называть декабристами.

„Из искры возгорится пламя“ писал Пушкину с каторги поэт-декабрист Одоевский.

Восстание декабристов — это первая искра революции. Но декабристы были далеки от народа. Они не искали его помощи, и поэтому их попытка была обречена на неудачу. Их заслуга в том, что они первые подняли знамя восстания против насилия и угнетения, за свободу своего народа. Поэтому лучшие русские люди никогда не забывали подвига декабристов.

В 1827 году Пушкин писал в Сибирь своим друзьям, участникам декабрьского восстания:

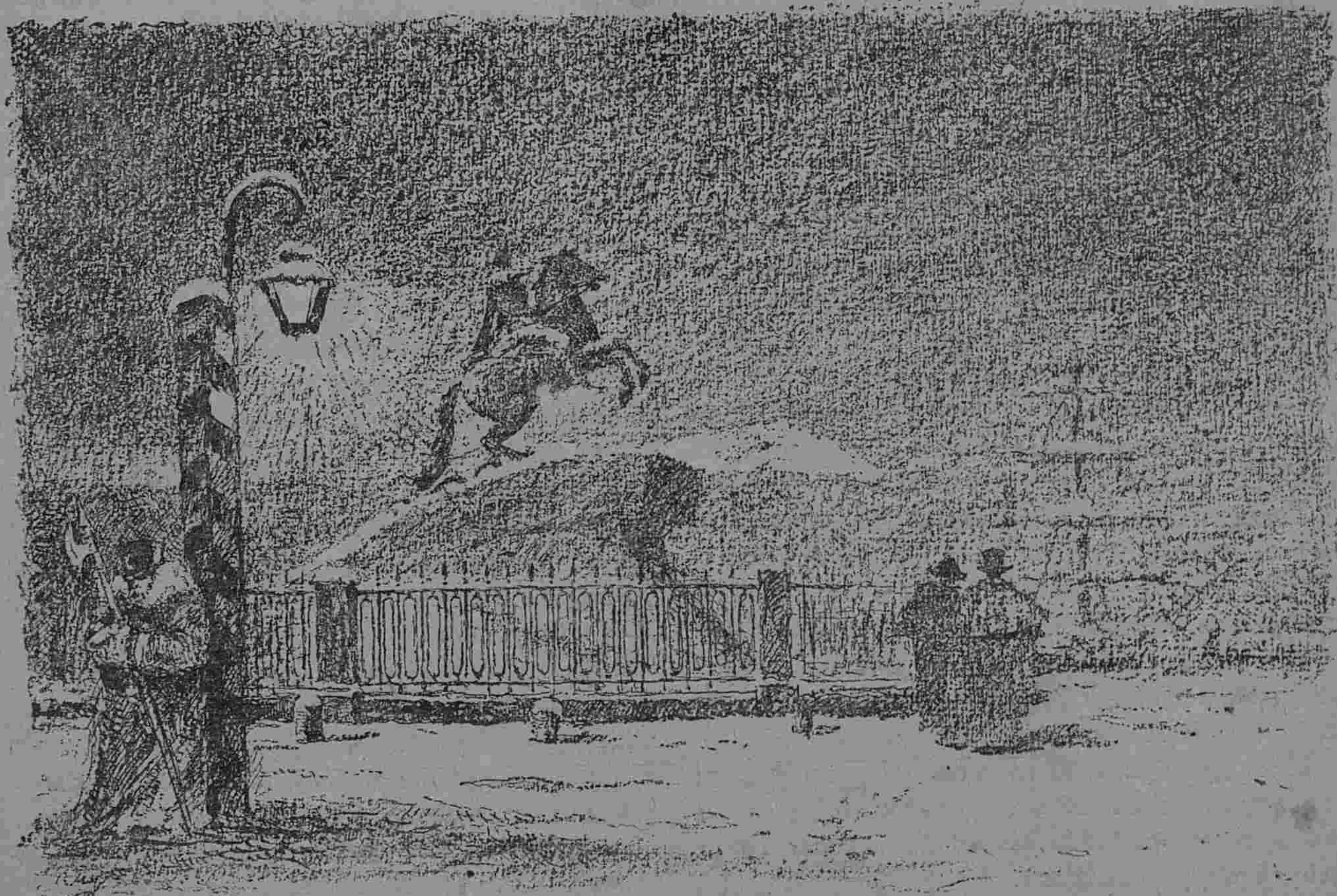
... Не пропадет Ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

... Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

В. И. Ленин высоко ценил декабристов и называл их „фалангой героев, открывших путь к вооруженной борьбе с самодержавием“. „Молодые штурманы бури“, — говорил о декабристах А. И. Герцен.

... Первая искра не потухла. Со временем она разгорелась сильным пламенем — она разрослась в огонь революционной борьбы, который привел к победе революции, к победе Октября.

А. Тренев

Такой была Сенатская площадь раньше.

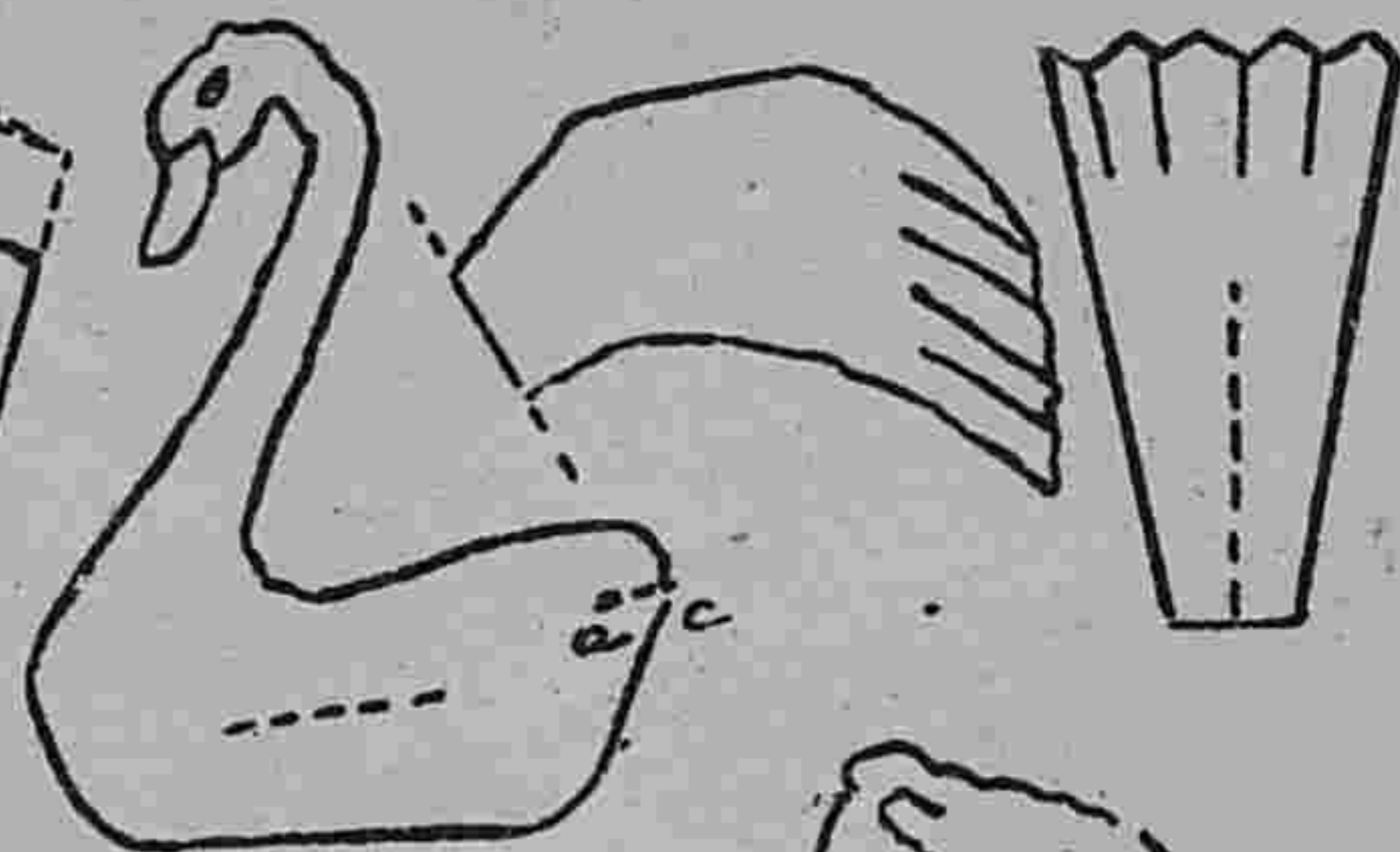
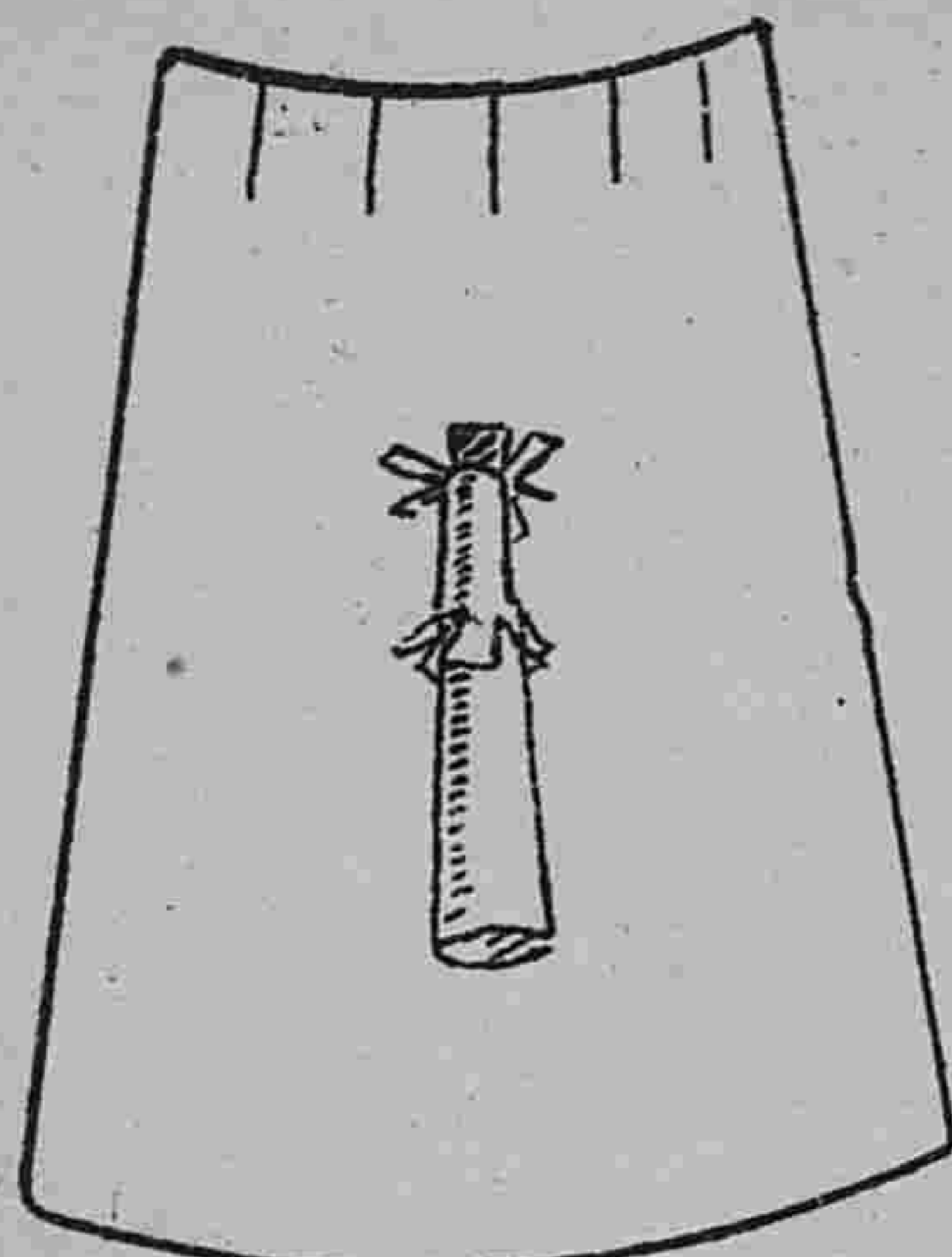
воим
ания:

истов
вших
лем".
де-

енем
раз-
рьбы,
к по-

ев

СДЕЛАЙ САМ

Гриб. — Чертеж увеличь. Склей, согнув на карандаше, ножку и приклей бахрому. Сделай на меньшем кружке надрез в середине и, отогнув уголки, надень на ножку. Приклей и раскрась шляпку. Приклей к ножке зеленой шерсти или пакли.

Попугай. — Сложи вдвое плотную бумагу, нарисуй и вырежь крылья, раскрась с двух сторон, просунь одно крыло в прорезь *ав*, слегка согнув.

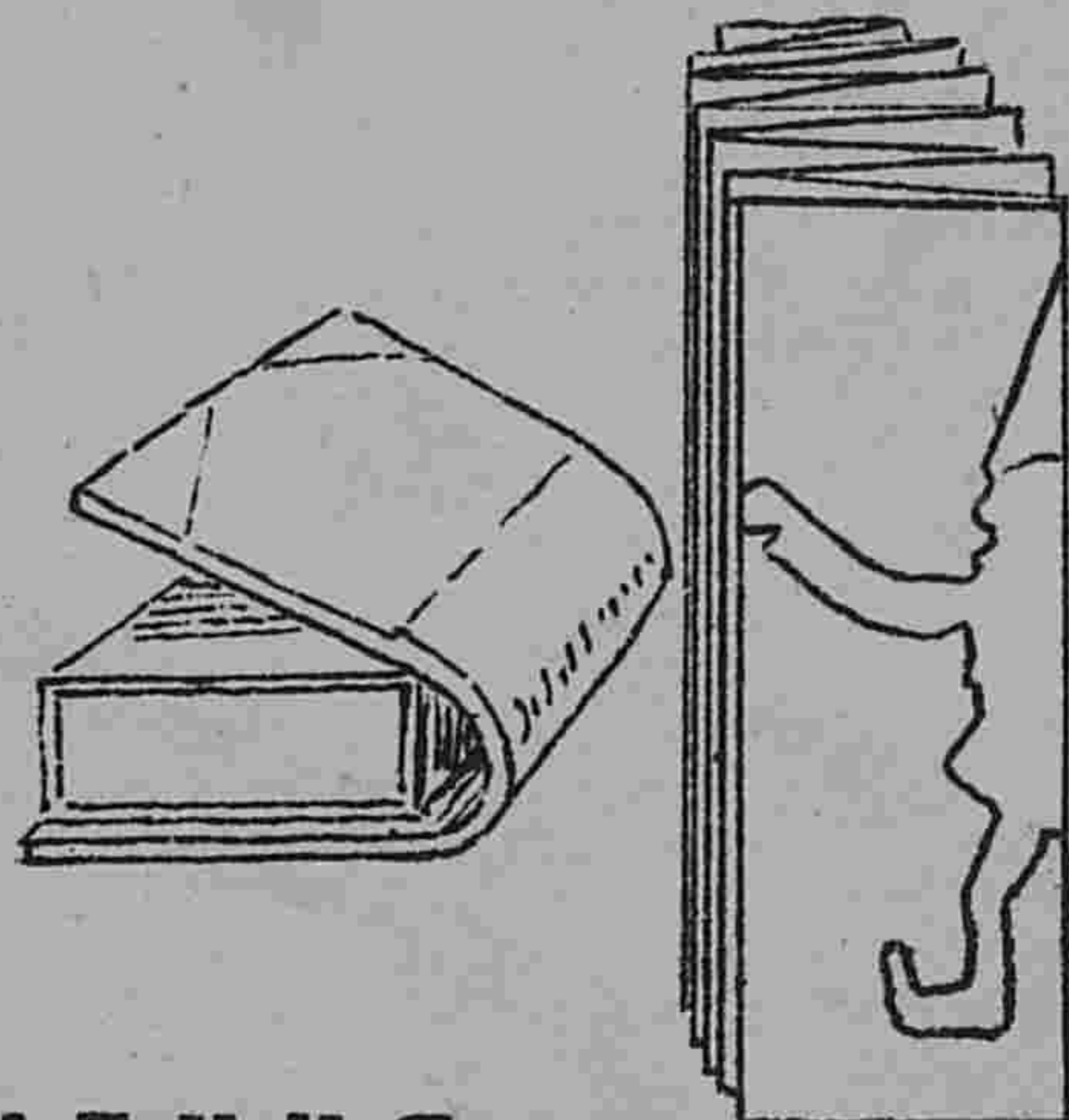
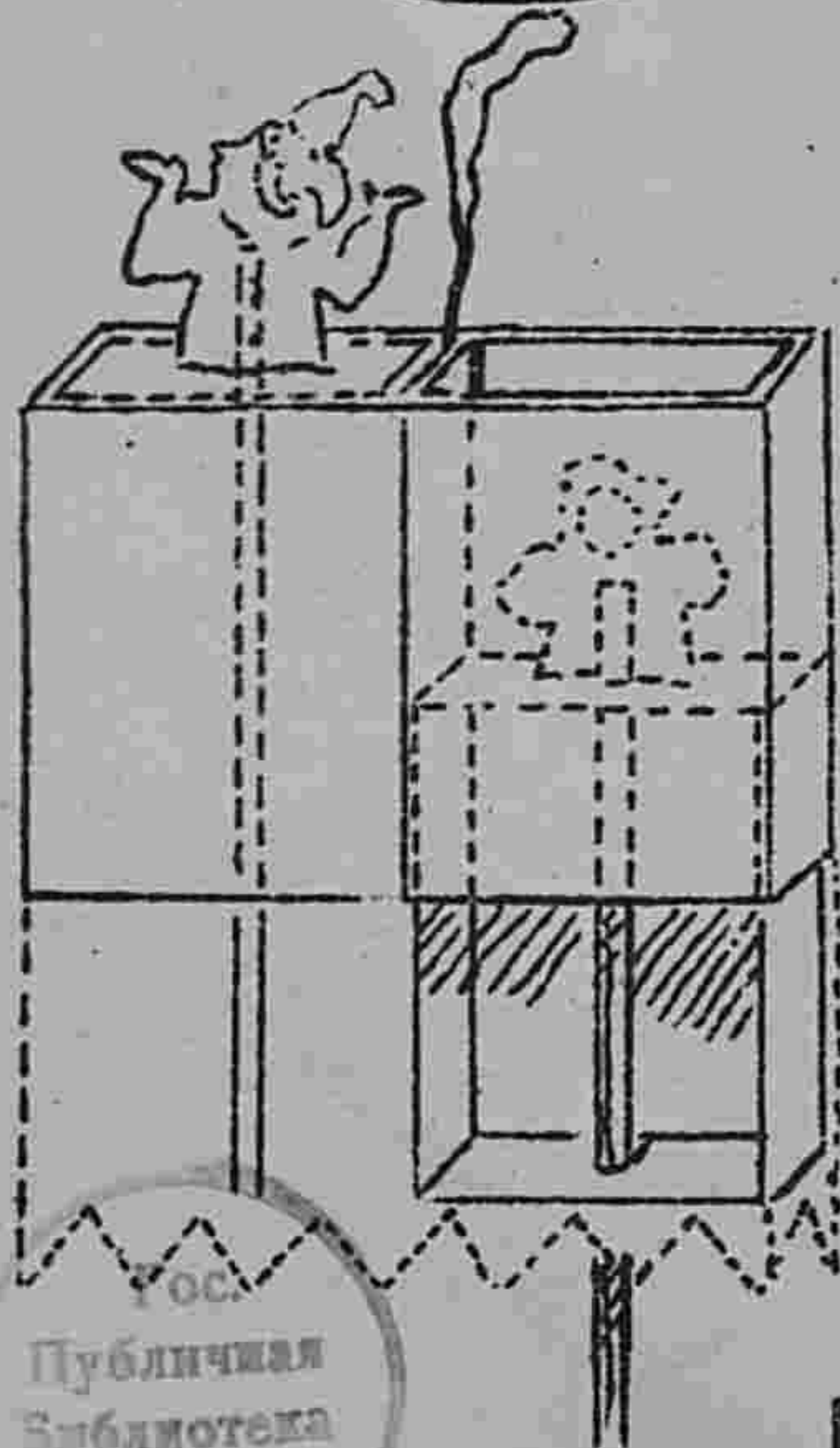
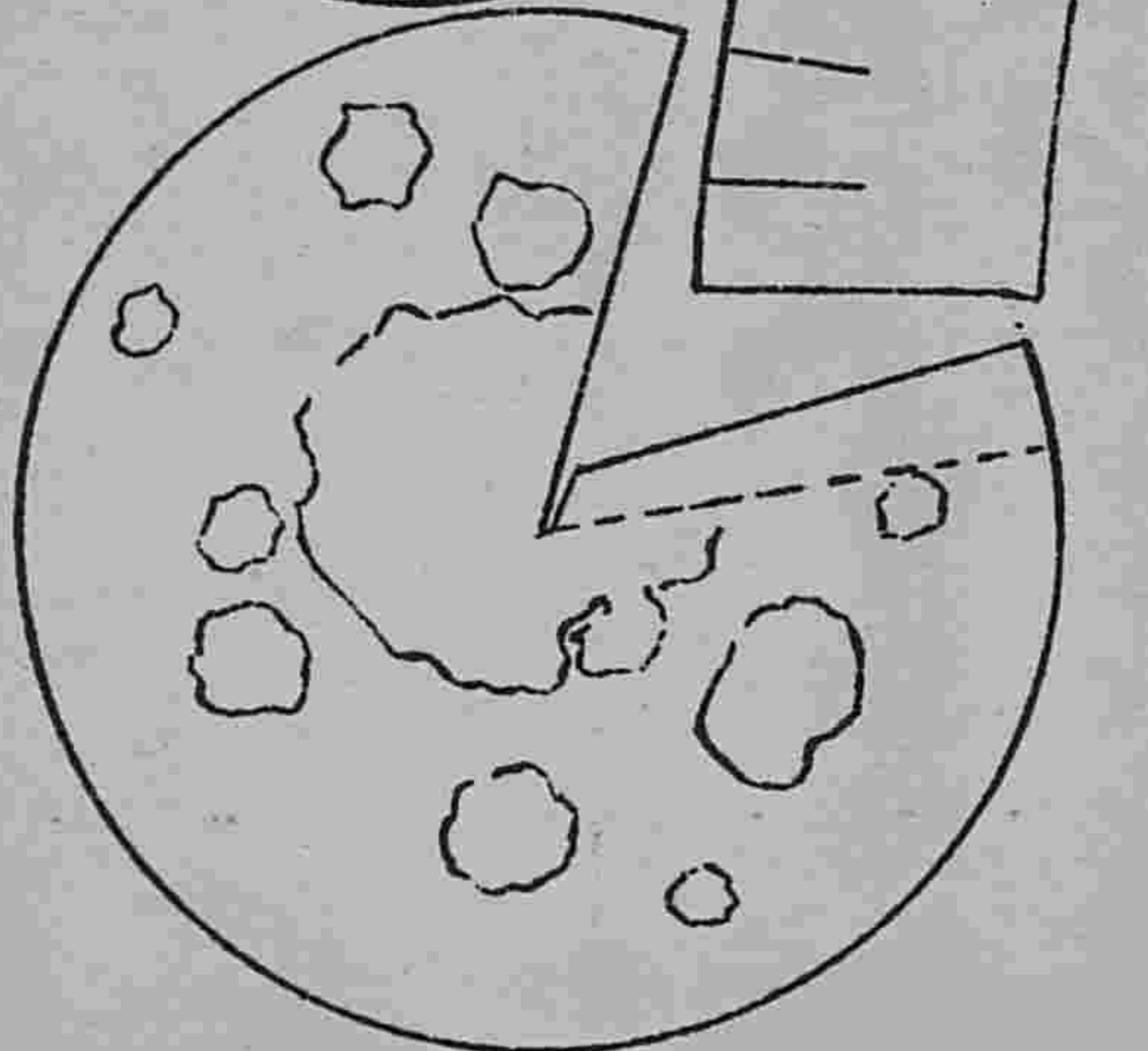
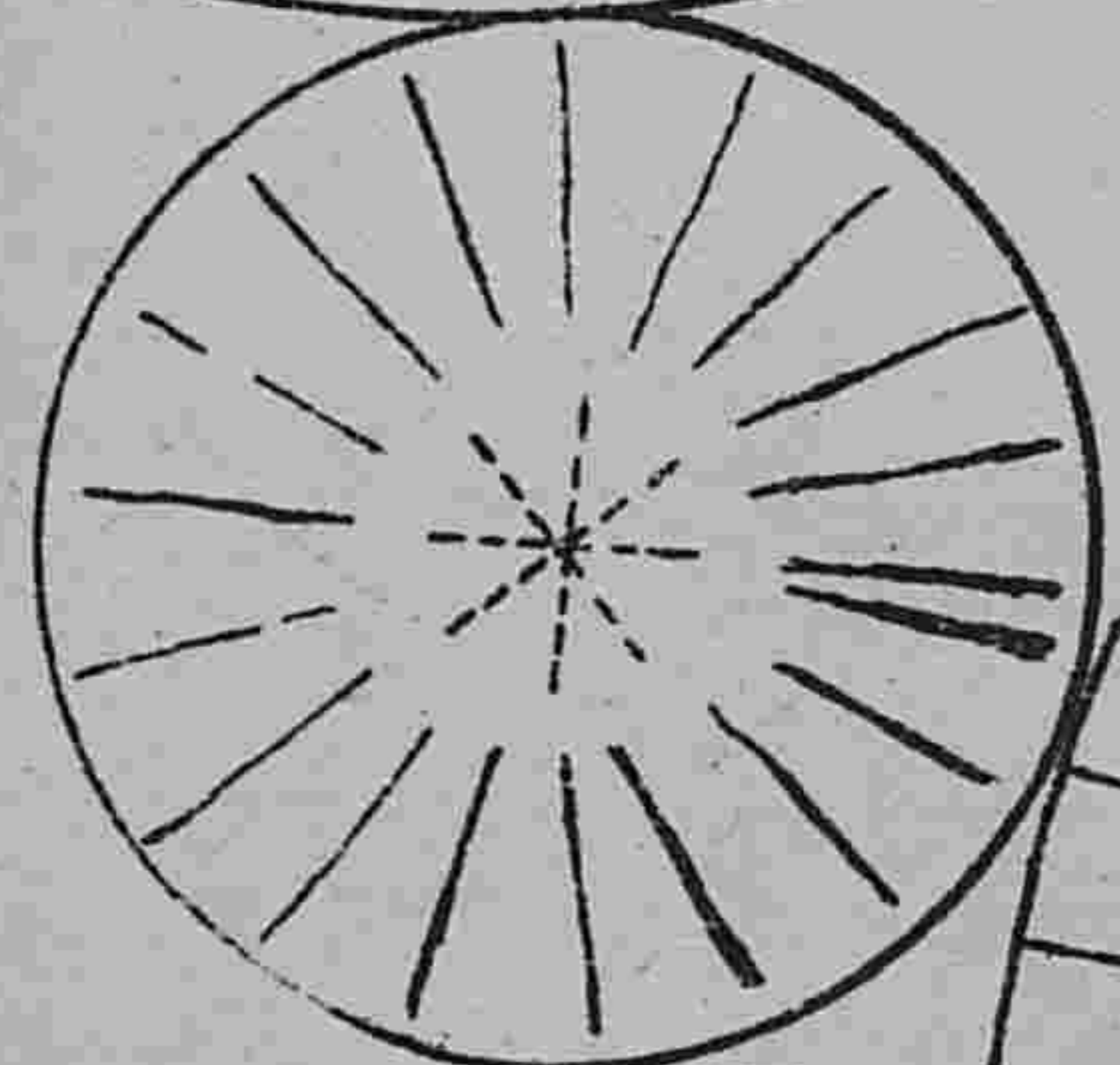
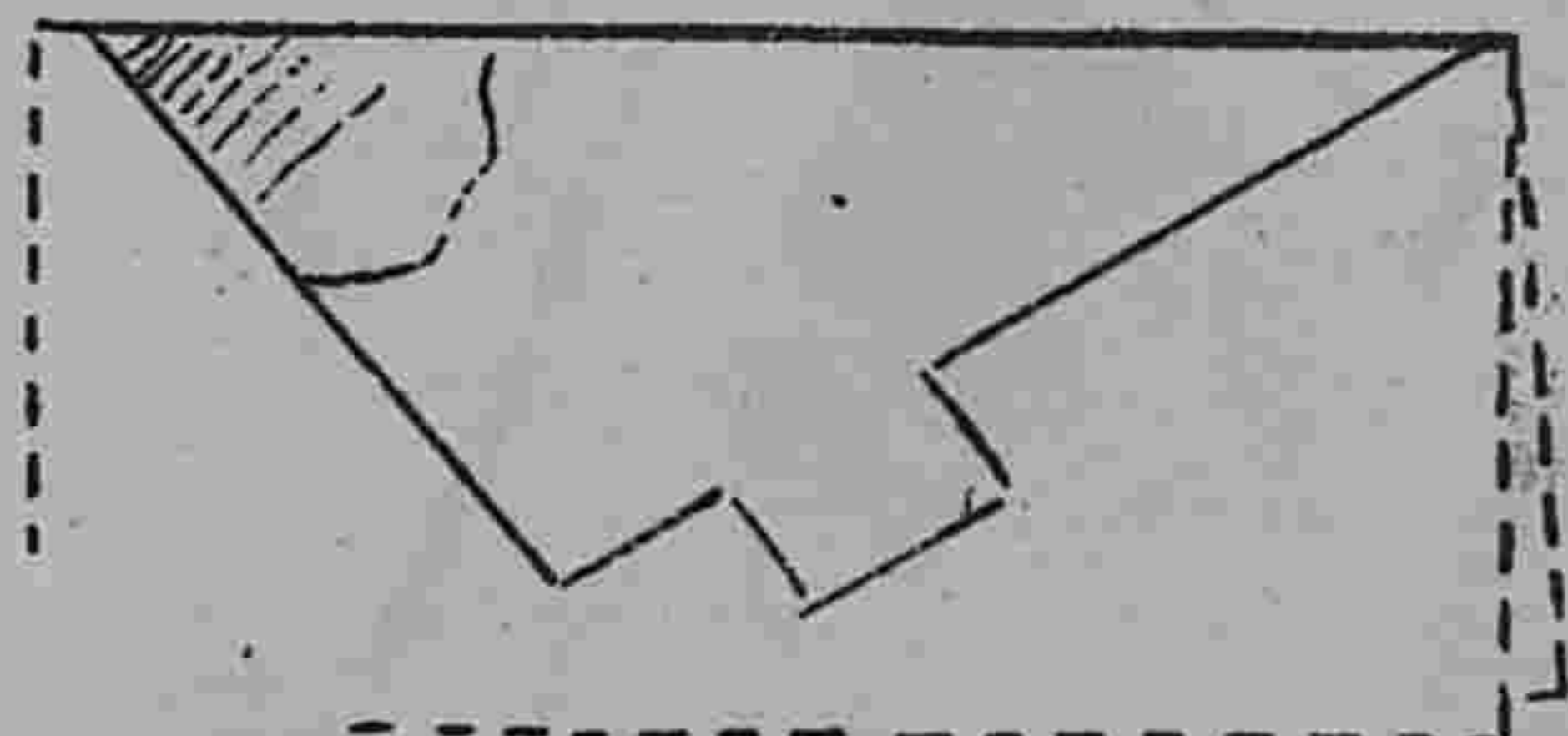
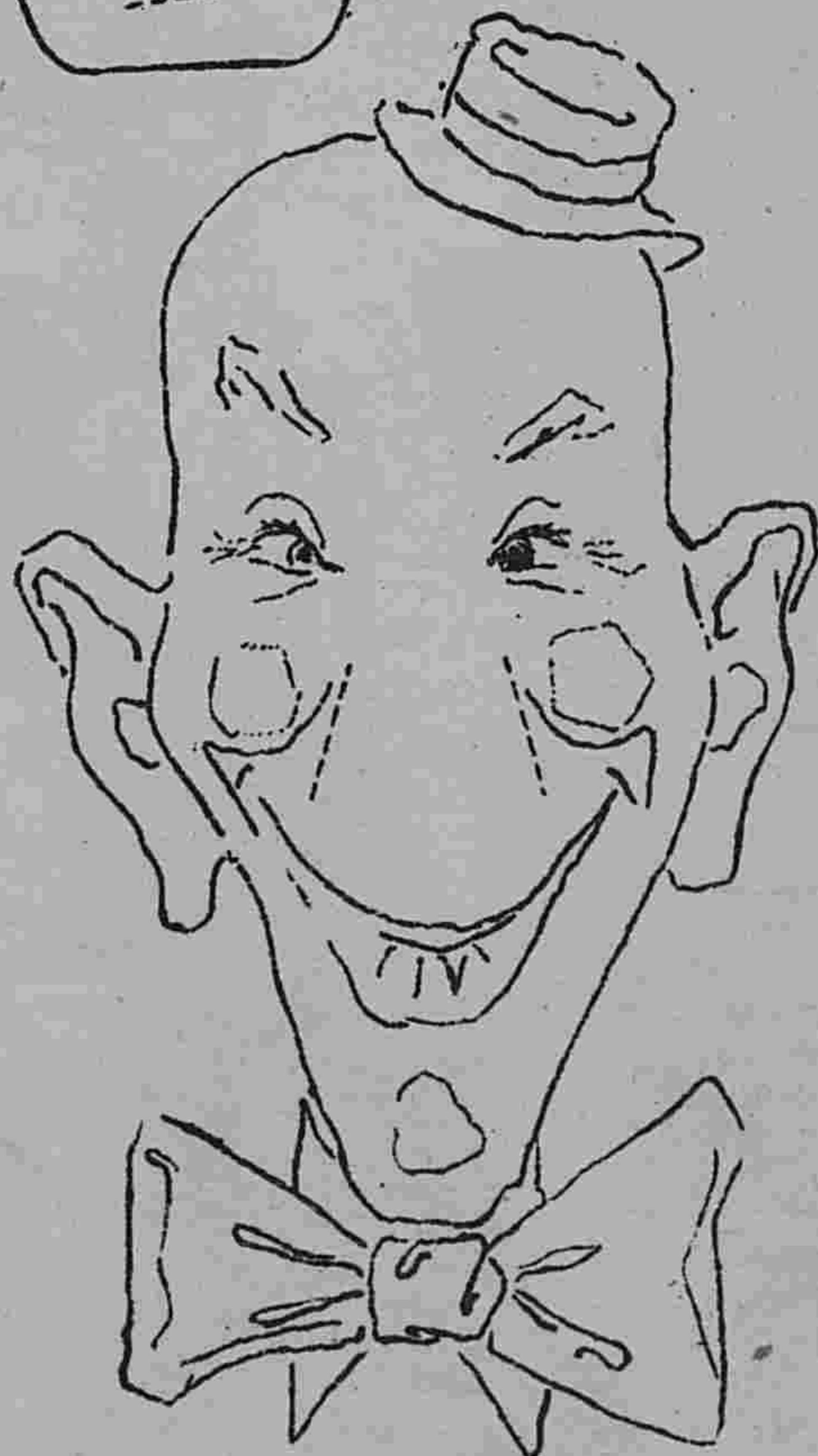
Лебедь. — Склеивают как и попугая. Прорезь хвоста вдвигается в прорезь *ав*. Хвост подклей к нижней части крыльев. Надрезь крылья и хвост.

Клоун. — Согни бумажку вдвое, нарисуй и вырежь нос. Выступы *а* просунь в прорезь на лице и загни на обороте. Приклей волосы и усы из цветной шерсти или пакли.

Гномы. — Согни бумажку как показано и вырежь полфигурки. Раскрась. Сделай хоровод вокруг елки.

Книжка. — Примерь и вырежь кусочек картона. Оклей цветной бумажкой. Приклей к спичечному коробку.

Театр. — Склей два коробка, просунь лучинки. Нарисуй театр и оклей со всех сторон, согнув сперва на углах. Фигурки вырежь двойные и между ними вклей лучинку. Раскрась с двух сторон. Между коробков вклей нитку.

ЕЛОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ

ИГРУШКИ МАЛЫШАМ

Откройте дневник 9 отряда 253 школы, и вы прочтете такие записи:

„24 октября. Двенадцать пионеров нашего отряда были в детском доме, в младшей группе. Ребята нам очень понравились. Мы подарили им игрушки и книги“.

„27 октября. Мы помогли в детском доме пилить и колоть дрова“.

Записи очень скупые, а говорят они о хороших пионерских делах.

Решенье посетить соседний детский дом пришло на сборе. Сказано — сделано. Уже в передней детского дома пионеров окружили малыши, повели в свои комнаты, стали показывать свои игрушки. Игрушки были старые, поломанные: бесхвостые лошади, дырявые мячи и автомобили без колес. А все свои книжки малыши прочли пионерам наизусть. Новых игрушек и новых книг у малышей почти не было. Вот тут-то Боря Фатеев предложил сделать для малышей новые игрушки. Все его поддержали.

Так началась дружба пионеров с обитателями детского дома. Дело нашлось каждому пионеру: кто рассказывал сказки, кто затевал веселую игру, кто разучивал с малышами новую песню. А дома пионеры занялись изготовлением игрушек.

Кира Григорьев раньше не любил возиться с младшими ребятами. Поэтому его мама очень удивилась, когда увидела, что он целыми вечерами мастерит крохотные танки, автомобили и пароходы.

Как-то раз ребята позвали его в кино, но он отказался: надо было пилить, строгать и раскрашивать уже готовые игрушки! Зато сколько радости было в детском доме, когда Кира подарил ребятам чудесные игрушки! Особенно понравился малышам самолет с вертящимся пропеллером.

Ребятишки целыми днями не выпускали игрушек из рук, а ложась вечером спать, ставили их возле своих кроваток.

Боря Фатеев, Юра Львов, Кира Каретников и другие пионеры подарили малышам много интересных игрушек.

В комнате малышей есть особый шкаф. В нем хранятся куклы и книжки, мишки и зайчики.

Малыши очень любят своих старших друзей. И теперь каждое утро, просыпаясь, они спрашивают: „А сегодня придут пионеры?“

*Старшая пионервожатая
253 школы Октябрьского р-на
Евгения Михайлова*

РУКОДЕЛЬНИЦЫ

Моей маме хотелось иметь нарядные подушки на диван.

— Не покупай, — сказала я, — сама сделаю.

Мама не обратила внимания на мои слова, я ведь не умела вышивать. А я решила обязательно научиться рукодельничать.

И вот я стала ходить в рукодельный кружок.

У меня есть специальная шкатулка, которую я беру с собой на занятия. В шкатулке лежат кусочки полотна и батиста, иголки, нитки, наперсток, — все это нужно для работы.

Руководительница нашего кружка показала нам много разных вышиваний: и ршелье (это красивая вышивка с вырезом), и сложные мережки — филе, и аппликации, и японскую, и декоративную гладь.

Когда мы в первый раз увидели рисунки и узоры — у всех глаза так и разбежались. Девочки не знали, что вышить прежде всего: салфетку, сумочку или коврик? А я сразу же решила: буду вышивать наволочки.

Настал день (правда это случилось не очень скоро), когда я кончила вышивать обе наволочки. Вечером я их выгладила и надела на подушки. Когда мама вернулась домой, я подвела ее к дивану. Она очень обрадовалась и удивилась. Подушки и в самом деле получились красивые: на одной я вышила розовым и черным шелком птицу среди зеленых шелковых листьев. А на другой плыли два белых лебедя среди камышей.

Мама даже не сразу поверила, что все это сделала я сама. А потом подарила мне несколько мотков ниток мулине и большой кусок полотна.

Мне, да и всем девочкам нашего кружка очень нравятся эти занятия рукодельем. Почти все уже закончили свои первые работы и принялись за новые. Теперь я вышиваю нарядный коврик. Он будет готов к Новому году.

Валя Иванюшенко

Ученица 6 кл. 21 школы Василеостровского р-на

ОЖИВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Е. Андреева

Давным давно, в самые древние времена люди иногда пытались оживлять умерших. Кто старался согреть остывающее тело, обкладывая его горячими хлебными корками, теплой глиной или золой, обжигая кипятком или горячим маслом; кто вызывал чувство боли, бичуя мертвое тело розгами, мокрыми тряпками, крапивой, надрезывая кожу, вырывая зубы. Иные вливали свежую кровь или, наоборот, делали кровопускание. Но чаще всего пробовали оживлять людей, вдвывая воздух в рот умирающего. Четыреста лет назад один ученый употребил для этой цели меха, и утопленник ожил. Примеру этого ученого следовали и другие, вплоть до наших дней, когда изобрели более совершенные аппараты для искусственного дыхания.

Но все это делалось на всякий случай, никто не верил, что человек, раз умерший, может воскреснуть. Только в сказках жила вера в чудесное оживление. В одной русской сказке говорится, что колдунья sprysнула мертвую царевну живой водой, дунула ей в лицо, и царевна воскресла. В турецкой сказке рассказывается о злом халифе и голове казненного им мудреца, которая ожила после того, как ее положили на чудесный барабан.

Вы, конечно, думаете, что ожившие головы и воскресшие люди бывают только в сказках? Но вы ошибаетесь.

В науке за последние десятки лет сделано столько новых открытий, что теперь и в жизни возможны почти такие же случаи.

Отчего умирает отрезанная от туловища голова? Оттого, что к ней нет притока свежей крови, которая несет с собой питательные вещества и кислород, необходимые для жизни. Следовательно, отрезанная голова будет жить, если поддержать нормальное питание головного мозга кровью или другой жидкостью, способной заменить кровь. Такие опыты делали уже восемьдесят лет назад. В отверстия кровеносных сосудов отрезанной головы собаки вставляли тоненькие резиновые трубки, по которым притекала кровь, содержащая кислород. Так удавалось поддержать жизнь собачьей головы в продолжении пятнадцати-двадцати минут.

Еще более интересные опыты проделали наши советские ученые Брюхоненко и Чечулин. Четыре года они работали над созданием аппарата, который мог бы заменить живое сердце и легкие. Со временем, искусственное сердце подталкивало кровь в искусственные легкие, после чего кровь с кислородом текла прямо в головной мозг. Но мало было изобрести этот аппарат. Ученым пришлось еще много поработать над самой операцией и научиться присоединять отрезанную го-

лову к аппарату. Но когда, наконец, все это удалось, ученые могли наблюдать чудо, рассказанное в турецкой сказке.

Собака, которой отрезали голову, до операции была усыплена хлороформом. Когда голову постепенно и очень осторожно отделили от туловища и присоединили к искусственному сердцу и легким, голова стала постепенно просыпаться. Замигали веки, потом открылись глаза. Уши головы дернулись, как у живой собаки, когда до них дотронулись. Когда стали щекотать в носу, голова неожиданно чихнула и так сильно дернулась, что чуть не порвала резиновые трубки, по которым протекала кровь. На язык отрезанной головы положили ватку, пропитанную горьким хинином. Язык тотчас же вытолкнул ватку обратно, потом рот открылся, оскалились зубы, и получилось впечатление, что отрезанная голова начала выть или лаять.

Эта голова прожила несколько часов. Она погибла, видимо, оттого, что постепенно испортилась кровь, и для питания мозга не доставало кислорода.

Другие ученые пробовали оживлять сердце. Для этого приготовили жидкость, которая состояла из растворов тех же солей, что и кровь. В эту искусственную кровь прибавили виноградного сахара, необходимого для питания сердечных мышц, насытили ее кислородом и подогрели до температуры тела. И когда поместили в эту жидкость сердце кролика и стали пропускать ее через сердечные сосуды — сердце ожило и стало пульсировать как живое. Точно так же живет вырезанный из организма кишечник и даже переваривает пищу. Это доказал своими работами профессор Словцов.

«Сердце и кишечник не исключение, — говорит другой ученый, профессор Кравков, — орган будет жить в искусственных условиях, если они подобны условиям в здоровом организме.» Известны целые куски живых тканей, вырезанные из организма, которые живут и растут в искусственных условиях, в продолжении нескольких лет.

Ученые произвели много разных опытов и убедились, что иногда можно даже вернуть к жизни отдельные ткани и органы, в которых все жизненные процессы были уже прекращены.

Русский физиолог Кулябко вырезал сердце из трупа кролика, держал его двадцать часов на холоду и потом оживлял его. Ему же удалось оживить человеческое сердце, вырезанное из трупа через двадцать часов после смерти.

Профессор Кравков высушивал отрезанные у трупа человеческие пальцы до твердости дерева. Хранил их в таком виде несколько месяцев, потом размачивал и оживлял. Один палец, помещенный

в искусственную жидкость, жил довольно долго, даже ноготь на нем заметно вырос.

О чем же говорят все эти опыты?

Представьте себе часы, которые остановились, потому что в их механизм попала пыль или соринка. Не слышно больше тиканья, стрелки стоят, маятник перестал качаться. Часовой мастер удаляет грязь, которая остановила колесики механизма, но маятник еще не качается. Его надо толкнуть, и тогда механизм заработает снова. Понятно, это произойдет только в том случае, если колесики не заржавели, и механизм не сломан.

То же самое мы видим и в живом организме. При всяком оживлении целого организма надо дать толчок остановившемуся сердцу и легким. Это делается при помощи искусственного дыхания и вливания крови в кровеносные сосуды.

Смерть — это не простая остановка жизненных процессов.

Настоящая смерть наступает только тогда, когда живое вещество разрушается и разлагается уже настолько, что не может снова вернуться к своему прежнему состоянию.

Если же организм кажется мертвым, т. е. прекратилось дыхание, остановилось сердце, похолодело тело, но живое вещество еще не успело разрушиться, то в таких случаях возможно оживление, — жизнь может при создании нужных условий вступить в свои права и вырвать гибнущий организм из когтей смерти! Медлить, конечно, нельзя. В распоряжении врачей всего шесть минут. Это самый большой срок, после которого еще возможно полное и прочное оживление.

Во время Отечественной войны наши советские врачи выезжали на фронт и там произвели несколько десятков оживлений. Оживить удалось не всех — у некоторых были слишком тяжелые ранения, но другие живут до сих пор.

Вот случай оживления одного красноармейца.

В 4 часа дня 3-го марта 1944 года он был тяжело ранен осколком в бедро. Через час после ранения ему была оказана первая помощь на поле боя. В тот же день, в 6 часов вечера раненого доставили в полевой госпиталь. Повязка промокла, он истекал кровью. Кожа была мертвенно бледная, губы синие, пульс еле прощупывался, глаза на свет реагировали слабо. Он был без сознания.

В госпитале ему немедленно влили 150 кубических сантиметров крови и в 7 часов приступили к операции.

Во время операции раненый потерял около 300 куб. см. крови.

В 7 часов 41 минуту была сделана следующая запись: „Кожа и губы мертвенно бледные. Сердце не работает. Пульс не прощупывается даже на вскрытой плечевой артерии. Кровь из вскрытой артерии не вытекает. Дыхание остановилось. Зрачки расширены. Рефлексов нет. Смерть.“

В прежние годы такого раненого сняли бы с операционного стола, накрыли бы простыней и отнесли в мертвецкую. Но в наши дни врачи решились попытаться вернуть его к жизни. Уже через две минуты после кажущейся смерти было включено искусственное дыхание с помощью мехов. Еще через две минуты стали нагнетать кровь в плечевую артерию. К крови был прибавлен адреналин — вещество, возбуждающее деятельность сердца, и виноградный сахар, питающий сердечные мышцы. Прошло шесть томительных минут — никаких признаков жизни врачи обнаружить не могли. А на седьмой минуте врач, державший руку, ощутил слабое биение пульса. Оно было едва уловимым, но все же сердце начало работать. Минуты шли, и вот, наконец, через девятнадцать минут после „смерти“ оживший раненый стал дышать. Смерть была побеждена! В 8 часов 48 минут больной открыл глаза. Человек был спасен. Наконец, он стал отвечать на вопросы и даже жаловался, что ничего не видит. Он был очень слаб. Температура его тела была ниже нормальной — 35,5°. Борьба за жизнь продолжалась несколько дней, и состояние этого воскрешенного человека

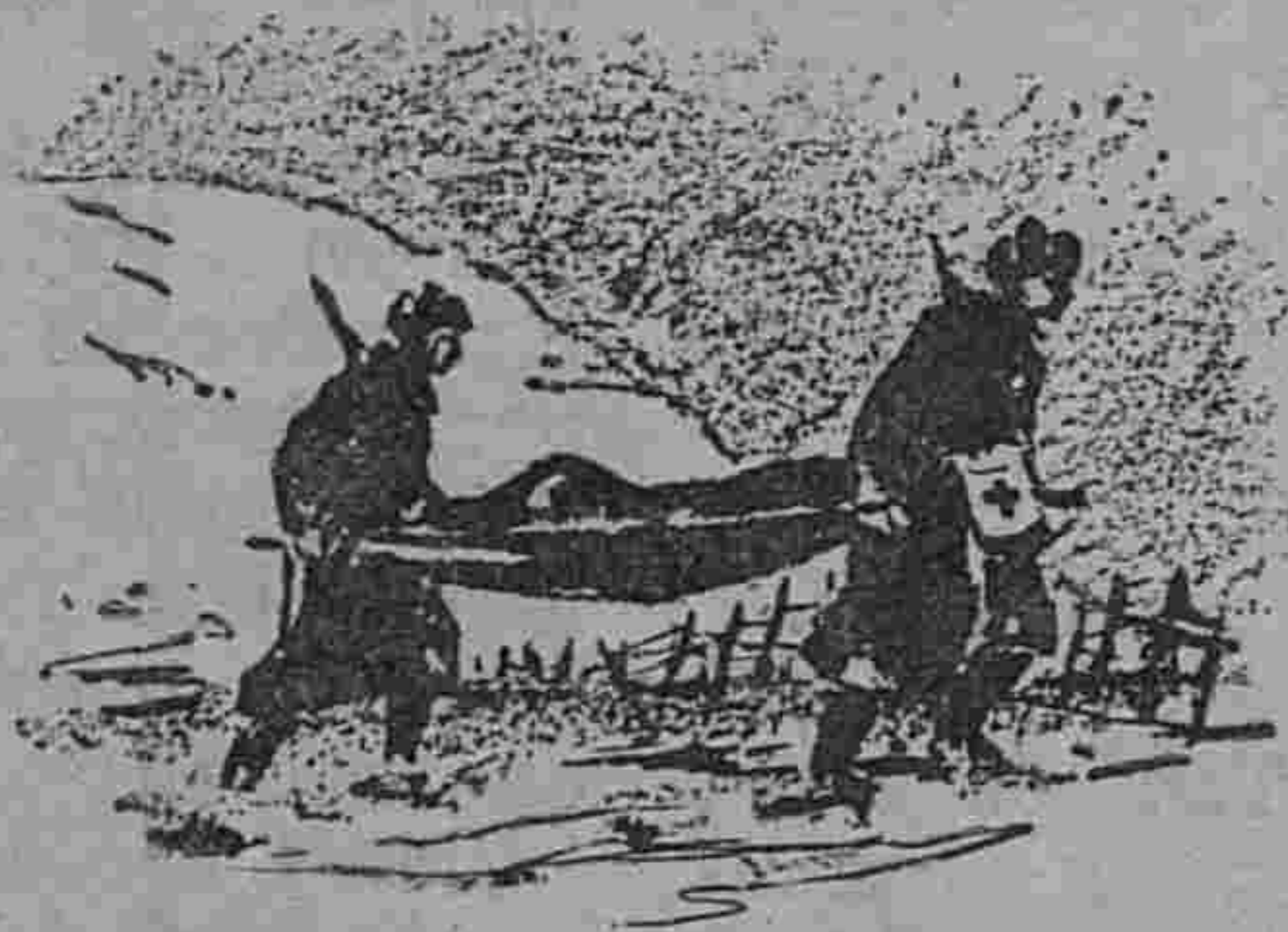
долго было еще тяжелым. На двадцатый день после ранения он окреп настолько, что его можно было эвакуировать в тыл. Позже он перенес еще одну операцию и живет благополучно до сих пор.

Так удалось оживить пятьдесят одного человека. При оживлении прежде всего (через полторы-три минуты) начинает работать сердце, и позднее всего восстанавливается зрение (иногда через 37 минут).

Температура тела повышается очень медленно, к норме она приходит через семь часов после начала оживления.

Теперь, когда ученые научились оживлять мертвых, перед ними встала новая и трудная задача — научиться задерживать отмирание тканей после остановки сердца — кажущейся смерти. Шесть минут — очень малый срок, а ведь в момент смерти врач не всегда находится около больного. Смерть необходимо победить, и она будет побеждена!

В нашей стране это время уже наступило, и преждевременная смерть будет побеждена!

ДВЕ ШАРАДЫ

Часть первую узнаешь без указки,
Когда случится посмотреть балет.
Вторая часть — уж много-много лет
Заканчивать собой привыкли сказки,
Всегда с ней рядом поминают мед.
По нашей третьей части он течет,
Но в рот, увы, никак не попадает.
А целое — историк угадает,
Подумав о старинном манускрипте,
О древности седой и об Египте.

Часть первая на дереве любом,
Она его хранит и защищает.
Вторая часть на быстрине играет,
Отброшенная солнечным лучом
А целое, хотя имеет нос,
Ни человек, ни заяц, и ни пес.
Вокруг него всегда шумит волна,
И приключений жизнь его полна.

Ящик с пионами

Н. Павлова

Рис. Н. Косяковой

Мама говорит, что без меня с Маринкой она доехала бы до бабушки совершенно спокойно.

Но разве это мы виноваты, что так случилось в поезде? Скорее всего виновата сама бабушка.

Ну что страшного в мышах?

А бабушка их просто ужас как боится.

Раз она сидела в гостях, и вдруг из-под буфета выбежал мышонок. Так бабушка вскочила с ногами на диван и закричала, будто увидела под своей кроватью волка.

Это просто счастье для бабушки, что она живет не с нами в деревне, а в Москве. Там у нее прекрасная квартира, совершенно без мышей. Поэтому она живет спокойно и целый день играет на рояли.

Наша бабушка играет не только для себя, она выступает на концертах, и так удачно, что правительство решило отметить ее 50-летний юбилей. Вот на этот юбилей она и выписала маму и нас с Маринкой.

Для юбилеев всего важнее цветы. И вот как удачно получилось: бабушкин юбилей справляли как раз, когда у нас расцвели пионы. Их у нас очень много — всяких, всяких. Мама очень любит пионы и каждую осень достает откуда-то новые корневища.

Их сажают кусочками корневища. Раз посадят, и потом они растут на своем месте хоть десять лет, не то что противные георгины, которые нужно каждую осень выкапывать и тащить в подвал.

И вообще пионы в тысячу раз лучше георгинов. Когда цветут пионы, все лето

впереди, а расцветут георгины — пора думать о школе.

Мы с Маринкой всегда ждем, не дождемся, когда распустятся пионы. Сначала у них бутоны — просто зеленые шарики, и мы гадаем, какого цвета будут цветы. Потом из шарика вылезет верхушка, на одних кустиках — беленькая, на других — розовая или красная, и мы спорим, какой развернется цветок: пышный или как блюдечко и будет ли он пахнуть.

Как я люблю душистые пионы! Закопашься в них носом и не оторвешься! Так бы и сделалась хоть на денек какой-нибудь букорашкой. Все бы ползала и ползала с лепестка на лепесток...

Мы с Маринкой, конечно, любили цветы попышнее. И для бабушкиного юбилея хотели выбрать самые распушенные. Но мама сказала, что нужно брать те, которые только-только приготовились распускаться, чтобы они подольше постояли у бабушки.

Мама обернула концы стебельков сырым мхом и сверху пергаментом, а мы с Маринкой завернули в газетную бумагу каждый бутон и всё запаковали в ящик.

В поезде мы поставили этот ящик на третью полку. И туда же рядом — корзинку с пирожками и печеньем. Мы с Маринкой легли на вторую полку, а мама — на нижнюю. С Маринкой спать рядом на полке ужасно плохо. Она ночью все время вертится и один раз так меня толкнула, что я чуть не слетела вниз. Ну, еле-еле удержалась.

Лежу и боюсь заснуть. И вдруг слышу: на верхней полке шуршат бумагой мыши. Я сначала просто удивилась, как они так высоко забрались. А потом вспомнила, что ведь там на полке все наши пирожки и печенье. Как шутну мышей! А они хоть бы что. Стучу кулаком в верхнюю полку, а мыши как глухие — шуршат и шуршат.

Я разбудила Маринку. Мы с Маринкой стащили корзинку с пирожками к себе на полку. Чуть не грохнулись вниз, но все-таки удалось.

Прислушались. В корзинке тихо. А наверху все шуршит и шуршит. Неужели мыши забрались в ящик с пионами? Маринка поднялась, приложила ухо к ящику и шепчет:

— Здесь они, Натка, здесь! Грызут бумагу и пионы.

Постучала по ящику. А мыши шуршат и шуршат. Вдруг я что-то вспомнила и перепугалась:

— Маринка, а если они не убегут? Неужели мы к бабушке повезем мышей?

Маринка испугалась больше моего и как заорет на весь вагон:

— Мама, в бабушкиных цветах — мыши!
В юбилейных бабушкиных цветах.

Тут и начался переполох. Маринка всех перебудила. Большие ругаются, ребята плачут. А наша мама не знает, что и делать: то начнет Маринку бранить, то насчет мышей беспокоится. Ведь только подумать, — нашей бабушке привезти в подарок живых мышей!

А Маринка говорит:

— Они, наверно, гнезда строят детей выводить, вот им все равно, — стучи, не стучи.

А какой-то сердитый дяденька говорит:

— Им-то все равно, да остальным-то пассажирам не все равно. Спать мешаете.

Наша мама извинилась за беспокойство, а потом говорит:

— Может быть, девочки, мы спустим вместе этот ящик вниз?

А Маринка отвечает:

— Вот хорошо! Откроем его и выкинем оттуда всех мышей и все гнезда, покуда не поздно!

Но тут на Маринку накинудись разные тетки и стали кричать, что не позволят ей швыряться в них мышами. Хотя, конечно, Маринка не стала бы выбрасывать мышей прямо на них. Да и наша мама никогда бы ей это не позволила.

Ну, все-таки еще долго, долго в вагоне был переполох. Хорошо, что под конец пришел проводник. Он как-то всех успокоил. Нам посоветовал оставить ящик на полке до утра, а про мышей сказал, что „все они к утру уберутся во-свояси“.

Мы с Маринкой стали думать, какие у мышей „свояси“ в вагоне. Они ведь любят жить в подполье, а где же у вагона подполье. Мы прошептались почти всю ночь. А утром мы подъезжали к Москве.

Спустили ящик с полки на пол. Осмотрели. Ни одной дырки! Нигде фанерка даже не подгрызана. Значит, мыши никуда не убежали. Остались все в ящичке.

Мама усомнилась, верно ли, что шуршало как раз в этом ящичке. Но мы-то с Маринкой не сомневались и решили, что мыши в него забрались, когда мы искали гвозди, чтобы прибить крышку. А теперь хочешь — не хочешь, вези их к бабушке на юбилей.

Мы поехали к бабушке прямо с вокзала. Бабушка сама нам открыла двери и давай нас целовать, сперва маму, потом нас с Маринкой, потом опять маму.

Тут мама ей во всем созналась.

Бабушка несколько не рассердилась. Она даже смеялась, когда мама ей рассказывала об ужасном переполохе в вагоне.

А насчет ящичка они с мамой решили так: поставить его в ванну, да там и раскрыть. Пусть мыши выскакивают сколько хотят, из ванны им все равно не выпрыгнуть.

Мы с Маринкой перегнулись через край ванны и смотрели, а мама открывала топором крышку. Откинула газету, и тут мы увидели — пионы! Не бутоны, которые мы укладывали, а цветы. Чудные, чудные, све-

жие, распустившиеся цветы! Сверху был белый с красненькими жилочками на лепестках, потом темно-темно красный, потом кремовый — огромный шар весь в оборочках.

Мама вынимала цветы один за другим. А мы с Маринкой так им радовались, так ими любовались, что о мышах и думать забыли.

Это мама о них вспомнила и вдруг рассмеялась:

— Ну, и дурочки мы все трое, — сказала наша мама, — ведь вот что шуршало: это бутоны распускались и разворачивали ваши бумажки.

Вот тебе и мыши! Ужасно смешно получилось! Конечно, мы же знаем, что цветок живой, но ведь все-таки это удивительно, что его иногда можно спутать с мышью.

НАШ КАРНАВАЛ

К. Шнейдер

Рис. Н. Петровой

Не понимаю я ребят, которые скучают на вечерах. Некоторые мальчики просто за доблесть считают слоняться по залу с презрительным видом и на все наводить критику. Они не танцуют, ни в каких играх не хотят участвовать и на все уговоры отвечают: — „Нет уж, спасибо“. Очень трудно с такими!

Как-то раз девочки нашего класса разговорились о том, как сделать, чтобы на вечерах нашей школы не было скучающих. Поговорили и начали действовать. Прочли разные книжки с играми и затеями, расспросили взрослых, как они в свое время веселились на вечерах. Кончилось тем, что из класса выделили пятерых девочек, и меня среди них, и назначили постоянной праздничной комиссией.

Мы провели несколько вечеров, и о них стали говорить в других школах.

Я не буду рассказывать про все вечера, которые мы устраивали. Я хочу рассказать только про один знаменитый карнавал, о котором потом писали во всех стенгазетах нашей школы, да и не только нашей.

Но с этим карнавалом получилось так, что нам, собственно, хвастать особенно не приходится. Почти всё на этом карнавале было неожиданно даже для нас. Вот, как это было.

Решили мы устроить карнавал и пригласить мальчиков соседней школы. Самое главное на карнавале, думали мы, — это костюмы. Как сделать, чтобы все были в костюмах? Девочки — те сами, без всяких уговоров, костюмы себе сделают. А вот как быть, чтобы мальчики пришли в костюмах, все до одного?

Мы заготовили нужное количество карточек с пригласительным текстом, раздали девочкам и предложили им нарисовать на обратной стороне какую-нибудь часть своего маскарадного ко-

стюма: шапку, веер, маску, — все равно, и написать какое-нибудь изречение, стихи, отрывок прозы или пословицу.

Через два дня мы получили кучу пестрых, нарядных билетов с пригласительным текстом.

А на обратной стороне билетов были написаны самые разные изречения и отрывки. И многие из них были не просто так написаны, а с хитростью. Например, на одном билете был нарисован лебедь и написаны такие слова:

*„Здравствуй, князь ты мой прекрасный,
Что ты тих, как день ненастный...“*

Мы сразу догадались, кому послать этот билет. Конечно, Мише Козлову, самому серьезному и замкнутому из ребят соседней школы. Так и написали. А девочка, которая сделала этот билет, призналась нам, что мастерит себе из марли, ваты и елочных блесток костюм Царевны-Лебедь.

На другом билете был нарисован колпачок Буратино и написано: „Приходи, если не боишься, что девочки будут воспитывать“.

Этот билет мы предназначили Вове Петрову — грязнуле и неряхе. Очень нам хотелось, чтобы он понял намек.

Часть билетов мы не адресовали. Но все билеты отослали в штаб дружины.

Зная по опыту, что все-таки некоторые мальчики придут без маскарадных костюмов, мы сделали разные шапочки и смешные маски.

Потом мы занялись своими костюмами. Можно было, конечно, взять костюмы напрокат, некоторые так и сделали. Цыганки, украинки, боярышни, — на каждом карнавале их всегда бывает достаточно.

Были они и у нас. Но нам хотелось другого, хотелось, чтобы были оригинальные костюмы,

чтобы была выдумка, изобретательность. И вот мы объявили у себя в школе, что за самые лучшие костюмы будут выданы премии, но что ни один костюм, взятый напрокат, премирован не будет. Конечно, очень многое зависело от мам и бабушек. Дадут какие-нибудь тряпки — хорошо, не дадут — надо самим искать.

Лично мне повезло. Во Дворце Пионеров я часто наблюдала за работой бутафора Елены Юрьевны Толмачевой. Она делала замечательные вещи из картона, папье-маше, жести.

В свободные минуты я прибегала к ней в мастерскую и кое-чему научилась.

Я решила сделать себе костюм Орлеанской девы, благо волосы у меня светлые и довольно длинные.

Я сделала из картона шлем, латы и щит. Мама пожертвовала мне свое старое белое платье, которое покрывало меня всю до кончиков ног. Труднее всего было с серебряной краской. Я хотела, чтобы латы и шлем блестели, и серая краска меня совершенно не устраивала. Достала я, наконец, и серебряную краску.

Пришлось помочь девочкам, у которых что-нибудь не ладилось. Все-таки мы очень волновались. Наступил день карнавала, и тут произошло настоящее чудо.

Ну, можете ли вы поверить, что мальчики все до одного явились в карнавальных костюмах?

Кого тут только не было! Робин Гуд, Дон-Кихот, Илья Муромец, Александр Невский с целой дружиной, суворовские офицеры и солдаты и сам Суворов со своим денщиком Прошкой, и средневековые рыцари, и бояре. Мы сначала просто растерялись. Особенно, когда оказалось, что каждый из пришедших протягивал контролеру свой билет (а у нас контролерами были два пажа) и говорил что-нибудь.

Суворов сказал: „Помилуй бог, какая пышная встреча! Не привык, не привык!“

Этого мы никак не ожидали и сначала не сообразили, что ответить. Выручила нас Галя. Память у нее изумительная и читала она много, ну и подержала честь школы.

А тут, как раз маленький парнишка с огромным мечом представляется:

*„Я сын Милонов молодой,
И я сказал, возьми, родитель,
Меня с собой, я буду твой
Оруженосец и служитель“.*

Понятия не имею, откуда это. А Галя спокойно отвечает:

*„Младой Роланд с большим щитом
Смирно идет за отцом“.*

И все захопало, оказывается, это из Жуковскийского — „Роланд-оруженосец“.

Потом вбегает человек в коричневом фраке и говорит:

*„Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше семисот пронесся, ветер, буря;
Порастерялся весь, и падал сколько раз!
И вот за подвиги награда“.*

А Галя отвечает:

„Ах, Чацкий, я вам очень рада“.

Ну, это и я могла бы ответить. Она еще несколько раз удачно ответила и убежала, но мы сами уже расхрабрились. Где не знаем, сами тут же пытаемся сочинить, если хорошо выходит, — нам хлопают, а плохо — смеются. Сразу стало очень весело.

Пришел длинный Костя Сурков из 7-го „б“ в матросской тельняшке и в брюках клеш. Все смеются, а он говорит:

*„Вы меня вогнали в краску,
Я пришел на карнавал,
Дайте мне такую маску,
Что б никто не узнавал“.*

А Лена отвечает:

*„Вас узнать довольно просто,
Что за маска, просто смех.
Мы узнаем вас по росту,
Вы, товарищ, выше всех.“*

И все закричали:
„Дядя Степа!“

Вот как начался наш карнавал. И пошло веселье!

Самый большой успех имела наша маленькая эстрада, подготовленная для концертного отделения. Она ни минуты не пустовала.

Одна сценка сменяла другую, и ребята бросали танцы, чтобы смотреть, что делается у нас в гостиной. Двое мальчиков, одетые Петром I и Меньшиковым, разыграли маленькую сценку.

Буратино и Мальвина сыграли сценку ученья из „Золотого Ключика“, и вдруг, в конце, когда Буратино бежит из чулана в страну дураков, появляется откуда-то маленький Пьеро и гонится за Буратино.

Были сцены и серьезные. Встреча Суворова с молодым Денисом Давыдовым.

— Ты любишь солдат, мальчик?
— Я люблю Суворова, в нем все: и солдаты и слава.
— Этот далеко пойдет. Я не успею умереть, а он уже три сражения выиграет“, — говорит Суворов.

Я прочла монолог Орлеанской деви. После меня мальчик в костюме Тараса Бульбы прочел наизусть речь Тараса к запорожцам. И сразу наш маленький украинский ансамбль выступил с двумя песнями: „Ой, на горі та і жнеці жнуть“ и „Гляжу я на небо“. Потом снова серьезное перебилося смешным. Появились Том Сойер с Гекком и разыграли сцену с дохлой кошкой. Наверное еще были в запасе выступления, но вдруг явился новый персонаж — узбек в заплатанном халате. За ним катился на колесиках чудесный ишак, сделанный из фанеры. Ишак время от времени кивал головой — кланялся. Кто-то закричал: „Здравствуй, Ходжа Насреддин.“ — „Селям алейкум“, — ответил Насреддин.

Наша эстрада была забыта, все занялись Насреддином. Он ходил из комнаты в комнату, ишак катился за ним, а мы — толпой за ишаком, пока, наконец, не пришли в класс, то-есть в гостиную. Тут и устроился Насреддин. Мы все уселись на ковре вокруг него и стали слушать.

Молодчина Толя, хорошо подготовился. Знаменитые анекдоты Насреддина так и сыпались. За свою выдумку Толя Верховский получил первый приз.

ЖИЗНЬ МАРИ КЮРИ

Ева Кюри

Детиздат, 1944 год

Весной 1906 года печальное известие облетело Париж: известный физик — Пьер Кюри, избранный только что членом Французской Академии Наук, попал на улице в поток экипажей и погиб. Неожиданная смерть прервала его ценные научные исследования. Кто же заменит его?

И вот Париж взволновало другое сообщение газет: лекции покойного будет продолжать его жена Мари Складовская-Кюри. Неизменный помощник Пьера Кюри, она вместе с ним открыла и добыла из урановой руды новое вещество радий, что значит блестящий, лучезарный.

Четыре года ученые работали в своей лаборатории, переделанной из сарая. Пришлось пережечь триста тысяч килограммов руды, чтобы добыть один грамм радия. Много было потрачено сил. Мари самой приходилось стоять у печей, но зато какое необычайное, ценное вещество удалось им добыть. Крупинки радия, как перо сказочной Жар-птицы, светятся ночью. Стекланный стакан, в котором лежит одна крупинка радия, окрашивается в фиолетовый цвет. Бумага, в которой радий хранится, превращается в пыль. И эту таинственную силу крупинка радия сохраняет в продолжении тысячи триста лет. Но, пожалуй, самое ценное свойство радия — это то, что он излечивает людей от одной из самых страшных болезней — рака.

В день первой лекции Мари Кюри в старинном университете Парижа — в Сорбонне чувствовалось необычайное оживление. Толпа переполнила просторные коридоры факультета естественных наук, лестницы и даже часть площади перед зданием. Аудитория не вмещала всех желающих послушать.

Дальше на карнавале все шло так, как бывает, когда все развеселятся, когда уже не нужно ничего организовывать, и все идет само собою. Но у меня уже была привычка приглядываться и замечать все кругом. Поразили меня некоторые костюмы мальчиков.

Интересно, как они сделали костюмы солдат и офицеров Суворовской эпохи. Обыкновенные старые куртки и пальто они превратили в мундиры. Загнули полы спереди и от разреза сзади, обшили красным кумачом. Пришили воротники, нагрудники и отвороты по форме разных полков. Мы-то в этом ничего не понимаем, а они все изучили.

Да, я забыла сказать, что серьезный Миша Козлов пришел в костюме князя Гвидона, и Царевна Лебедь весь вечер учила его танцевать вальс. И, кажется, научила.

Когда все кончилось, и гости начали расходиться, мальчики пригласили нас к ним в школу в день Красной Армии, 23-го февраля.

Ну, решили мы, теперь наша очередь вас удивить. А чем мы их удивим я расскажу как-нибудь в другой раз.

★

Вот прозвонил звонок, Мари смущенно подошла к кафедре. Сдерживая волнение, она свою лекцию начала теми словами, которыми весной, перед своей кончиной, Пьер Кюри закончил свое последнее выступление перед студентами — об атомной энергии, о ее возможном использовании.

В Сорбонне читали лекции самые прославленные ученые, профессора с мировым именем, но до сих пор парижане не видели ни одной женщины-профессора, ни одной женщины-ученого. В то время во многих странах женщинам даже не разрешали учиться в университетах, быть инженерами, занимать государственные должности. Поэтому люди хотели взглянуть на Мари Кюри за кафедрой, послушать ее лекцию...

После смерти мужа Мари не переставала много и упорно работать. Каждый день она проводила в лаборатории по десяти часов. А в свободные часы совершала со своими дочерьми, Ирен и Евой, дальние прогулки на велосипедах, учила девочек плавать, читала им книги.

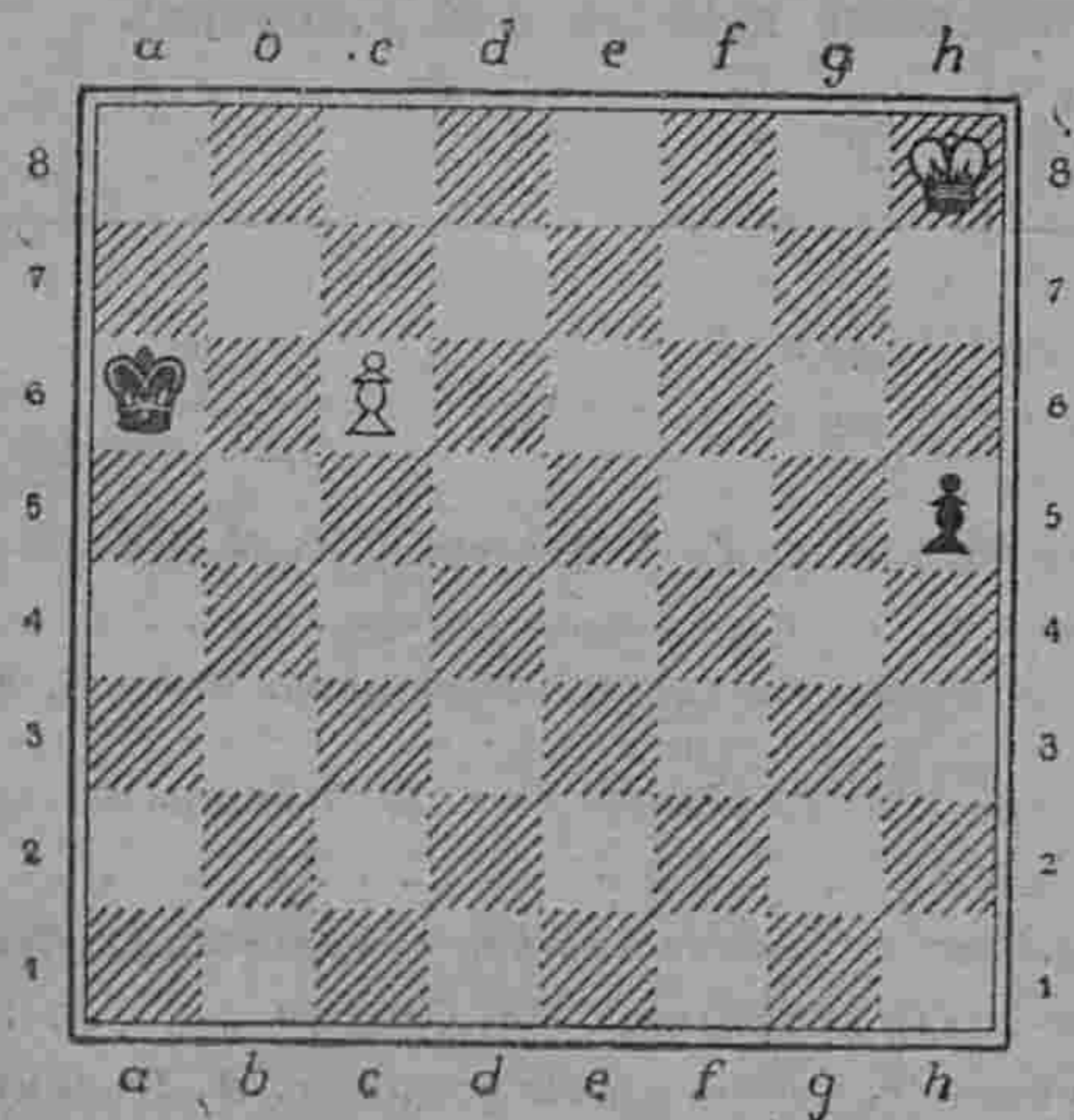
Ирен, как и мать, стала ученым-физиком. Ева написала книгу о жизни своей матери и о том, как эта первая из женщин стала профессором. Увлекательная книга „Жизнь Мари Кюри“ переведена на русский язык и издана для детей. В ней подробно рассказывается, как был открыт радий, какую пользу он принес человечеству, как приходилось работать двум замечательным ученым нашего времени — Пьеру и Мари Кюри, чтобы подарить человечеству важное и ценное открытие.

★

Шахматы

ОТДЕЛ № 3

В прошлом отделе (№ 2) наши читатели познакомились с началами шахматной композиции. В отличие от задачи, решение шахматного этюда не связано с определенным количеством ходов. Обычное задание в этюде — „белые, начиная, выигрывают“ или „белые, начиная, делают ничью“; при этом поставленная цель достигается не очевидным и красивым способом, в результате преодоления значительных трудностей; в ответ на любую защитную игру черных, белые отвечают в каждом случае единственными, ведущими к победе ходами. Хороший этюд имеет построение, напоминающее очень часто обычный конец партии, реже — ее середину. При решении этюда к нему следует подойти так же, как к любой позиции из шахматной партии. Постарайтесь решить следующий этюд:

В этом безнадежном, на первый взгляд, положении белые, выбирая для своего короля путь, приближающий его одновременно к обеим пешкам, добиваются ничьей: они либо проводят свою пешку в ферзи одновременно с черными, либо задерживают черную пешку королем. Решение со всеми вариантами присылайте в редакцию „Костра“.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ - ШУТКИ ИЗ ОТДЕЛА № 1

Выигрывают черные, так как в положении на диаграмме (Белые: Крс8 пб6(2); черные: Кра8 па7(2) очередь хода за ними: черная пешка не двигалась со своего первоначального места, черный король не мог попасть на a8 ни с b7, ни с b8. Черные добиваются победы, беря своей пешкой белую пешку: 1. a7:b6 и проводя свою пешку в ферзи. На вопросе — каков был последний ход черных (или белых)? — основываются многие задачи - шутки.

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ ИЗ ОТДЕЛА № 2

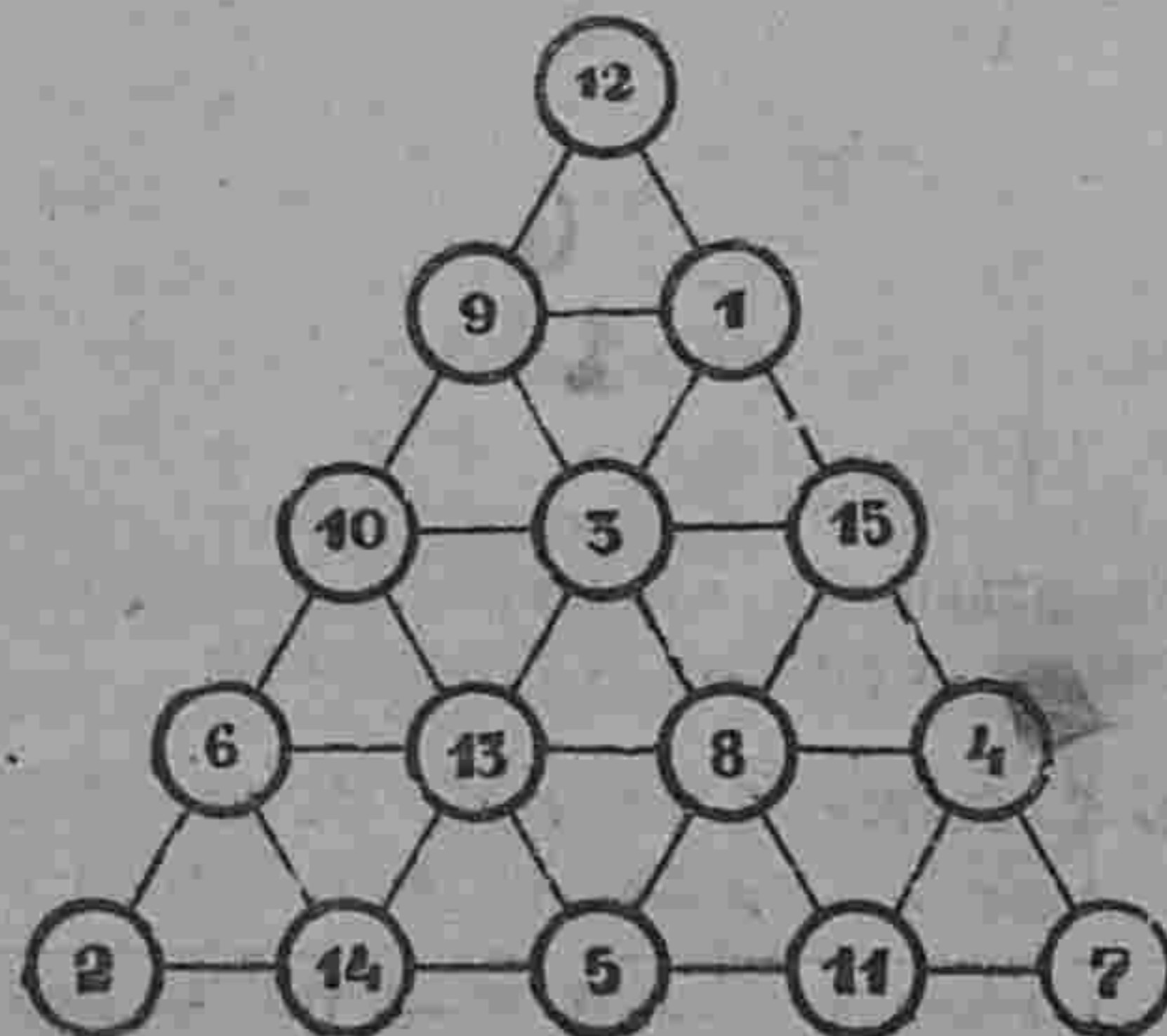
Положение: белые: Kpd8 Фб5 Сб3 nf4 (4). Черные: Kpd6 Са8 пс7 (3), белые дают мат в 2 хода. Своим первым ходом: 1. Фб5—с4 белые создают угрозу мата: 2. Фс4:c7X. Защищаясь от этой угрозы, черные должны либо прикрыть пешку с7 слоном, либо подвинуть ее на одно или два поля. В зависимости от ответа черных получаются три варианта разветвления в решении: I. 1... Са8—с6 2. Фс4—b4X, так как слон препятствует пешке защищаться ходом 2... с7—с5, прикрывает ее; II 1... с7—с6. 2. Фс4—d4X, так как пешка перекрывает слона, и последний не может сыграть 2... Са8—d5. Обратите внимание на взаимное перекрытие черных фигур на поле с6: эта задача носит название по имени ее изобретателя „идеи Гримшоу“, — она часто встречается в задачной композиции; III. 1... с7—с5, — после этого ответа черных ни тот, ни другой маты не проходят; но белые пользуются тем, что черная пешка отняла поле с5 у своего короля, блокировала это поле, и дают мат ходом: 2. Фс4—Фе6X.

ОТВЕТЫ

на задачи, помещенные в „Костре“ № 11

ШАРАДО-РЕБУС

1. Марс — ель
2. Пар — ус
3. Гори — зонт
4. Каша — лот
5. Лов — кость
6. Ост — рога

ГОЛОВОЛОМКА

При этом расположении цифр в ряду из трех кругов сумма равна 28; из четырех — 31; из пяти — 39.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Декабрь

14 декабря 1911 г. Великий норвежский путешественник Роальд Амундсен первым достиг Южного полюса.

15 декабря 1938 г. При авиационной катастрофе погиб великий летчик нашего времени В. П. Чкалов.

18 декабря 1642 г. Известный голландский мореплаватель Абель Тасман открыл Новую Зеландию.

19 декабря 1741 г. Умер знаменитый мореплаватель, организатор и глава Великой Северной экспедиции Витус Беринг (его именем названы Берингово море, Берингов пролив и пр.).

21 декабря 1768 г. Умер Харитон Лаптев — замечательный русский исследователь Северного Ледовитого океана (в честь его и его двоюродного брата Дмитрия Лаптева одно из морей Северного-Ледовитого океана носит название «моря Лаптевых»).

24 декабря 1524 г. Умер Васко да Гама — знаменитый португальский мореплаватель.

Что читать об этих событиях:

Яковлев, А. Жизнь и приключения Р. Амундсена. Детиздат, М.-Л., 1938.

Григорьев, С. Г., проф. — Вокруг южного полюса. Учпедгиз, М. 1937 (для старшего возраста).

«Глобус» — Географический ежегодник для детей на 1938 год. Детиздат, М.-Л., 1938, раздел «Наша Родина», статья «Великие советские перелеты»

«Глобус» — Географический ежегодник для детей на 1939 год. Детиздат, М.-Л., 1939, раздел «В воздухе и на воде».

Аусвейт, Л. Как открывали земной шар. Детиздат, М.-Л., 1939 (статьи о Тасмане и Васко да Гама).

Муратов, М. Два путешествия капитана Беринга. Детиздат, М.-Л., 1941.

Визе, В. Ю. Моря Советской Арктики. История исследования, 2-е изд. Изд. Главсевморпути М.-Л., 1939 (для старшего возраста; в книге имеются интересные данные о Х. Лаптеве).

СОДЕРЖАНИЕ

Первый снег. Стих. Л. Хаустова. Рис. автора	1	Оживление человека. Е. Андреева. Рис. Н. Кострова	24
Коба. Отрывок из повести. И. Всеволожский. Рис. М. Букоа	2	Две шарады	25
Снежный сад. Стих. Г. Семенова. Рис. В. Кобелева	6	Ящик с пионами. Расск. Н. Пазловой. Рис. Е. Косяковой	26
Великий педагог. Е. Привалова. Рис. М. Малик	7	Наш карнавал. К. Шнейдер. Рис. Н. Петровой	28
Старинные английские загадки. Перевел А. Шмольни	8	Что читать?	30
Актерка. Расск. Е. Верейской. Рис. Н. Кустова	9	Шахматы. Отдел ведет мастер спорта А. Гербетман	31
Творчество наших читателей	13	Географический календарь. Ис. Слоним	32
Расскажите на пионерском сборе		Дружба народов. Стих. Джамбула. Рис. А. Новикова 2-я стр. обложки	
О мечте, которая сбылась. А. Панов	14	Учись плавать. Рис. М. Малик. — 3-я стр. обложки.	
Шарада	16	На обложке рисунки М. Шабанова, В. Конашевича	
Бакланы и бабуры. И. Соколов-Микитов. Рис. В. Курдова	17	Вкладка — «Елочные игрушки». Рис. Е. Косяковой.	
Слоны-артисты. А. Блячкин	19	На обложке рисунок В. Конашевича «Новогодняя ночь».	
Зимняя сказка. Стих. П. Ойфа. Рис. И. Шабанова	20		
Из прошлого нашего города			
Площадь декабристов. А. Тренев. Рис. В. Морозова	21		
О наших школьных делах	23		

не 5899

1946 г.
Акт № 236
Вкладыш л.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, ФОНТАНКА, 31, ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ
Непринятые рукописи не возвращаются

Редакция: О. Берггольц, В. Воеводин, С. Воинов, Е. Катерли, Ф. Октябрьская, А. Пахомов, Е. Привалова, В. Прянишников, Н. Терebinская, Д. Чевычелов, Н. Штейнварт, Л. Успенский и Г. Яблонская (отв. редактор)

Подписано к печ. 29/1 1946. 4 печ. л. (+1 вклейка и 1 вкладка). В печ. лист. 25 000 тип. зн, Зак. 2435. М.—01023. Авт. л. 3,5. Тир. 15000 экз.
2-я фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР

УЧИТЬСЯ ПЛАВАТЬ

Прыжки в воду — отличная гимнастика. Этот полезный, увлекательный вид спорта — им можно заниматься и зимой в плавательном бассейне.

Учиться начинают с простого прыжка вниз ногами — „солдатином“. Для этого встают на бортик бассейна так, чтобы захватить край его большими пальцами ног. Выпрямившись, напрягают руки „по швам“ и не глядя на воду, приподнимают голову. Потом слегка приседают, не раздвигая колен в стороны и не нагибая туловища, и резко подпрыгивают вверх, словно прыгают со ступеньки крыльца на землю.

Если при прыжке в воду носки ног вытянуты, и все сделано правильно, то тело входит в воду вертикально и почти без всплеска.

Более сложен простой прыжок вниз головой („английский“). Захватив большими пальцами ног край бассейна, вытягиваются, зажав голову руками и сложив кисти рук так, чтобы они образовали одну плоскость. Затем слегка приседают, как и при прыжке „солдатином“, и падают вперед. Когда равновесие уже потеряно, и тело падает, резко выпрямляют колени и вытягивают носки. Описав в воздухе плавную дугу, прыгун врезается в воду под углом в 45 градусов. Чтобы не упасть на воду плашмя, что очень больно, обязательно отталкиваются ногами.

Затем прыгун учится прыгать с метрового трамплина — подкидной доски, висящей над водою на высоте одного метра. Прыжки с трамплина похожи на прыжки с бортика бассейна. Но доска — словно пружина подбрасывает прыгуна не только вверх, но и вперед.

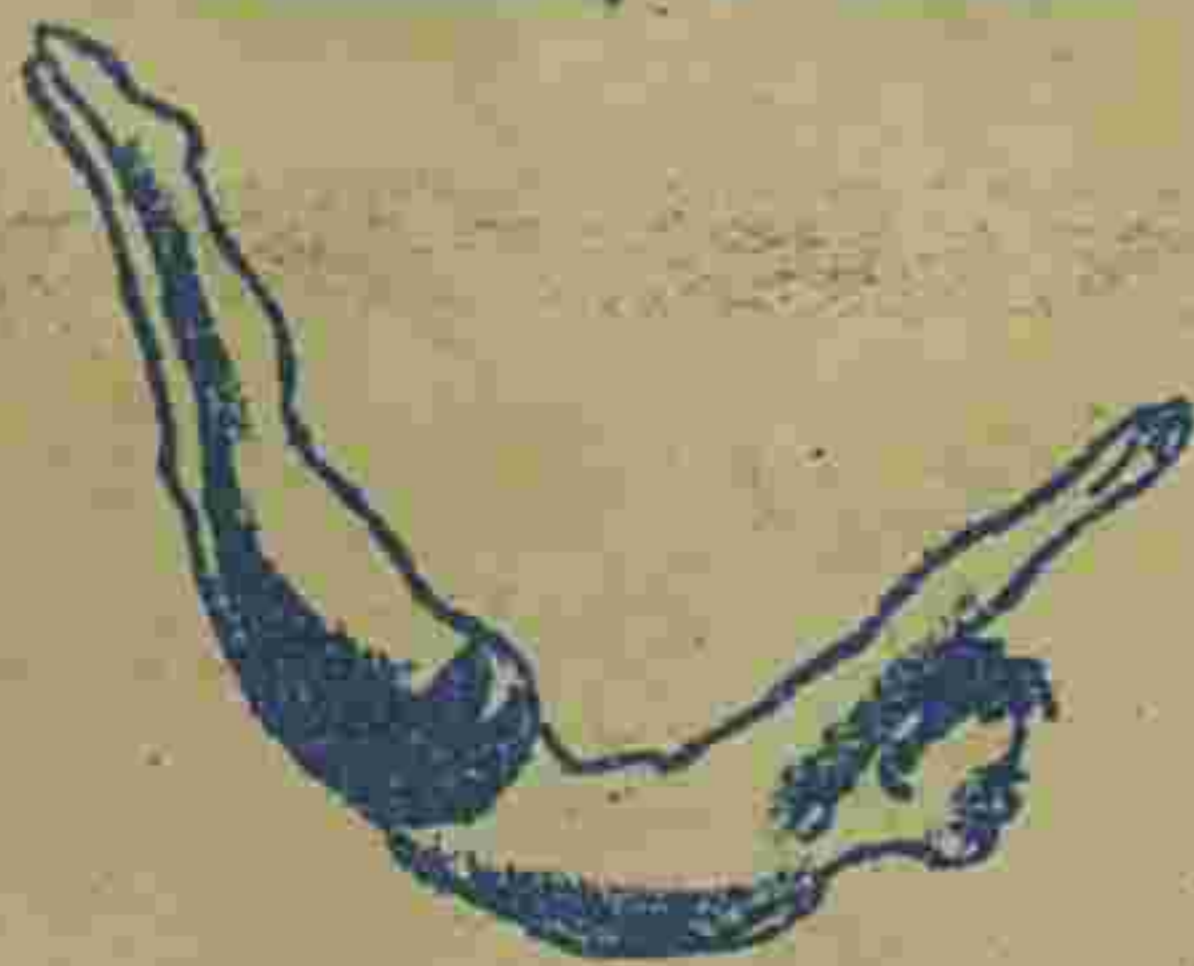
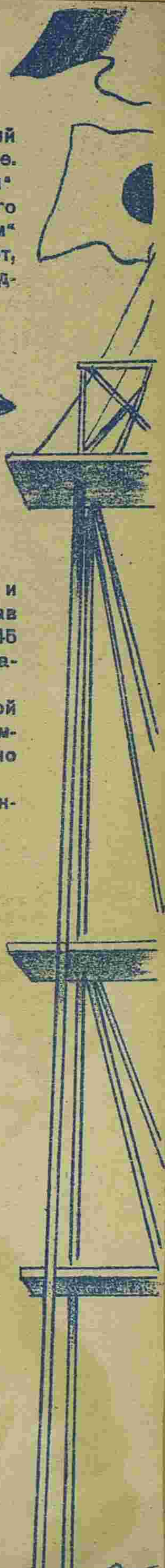
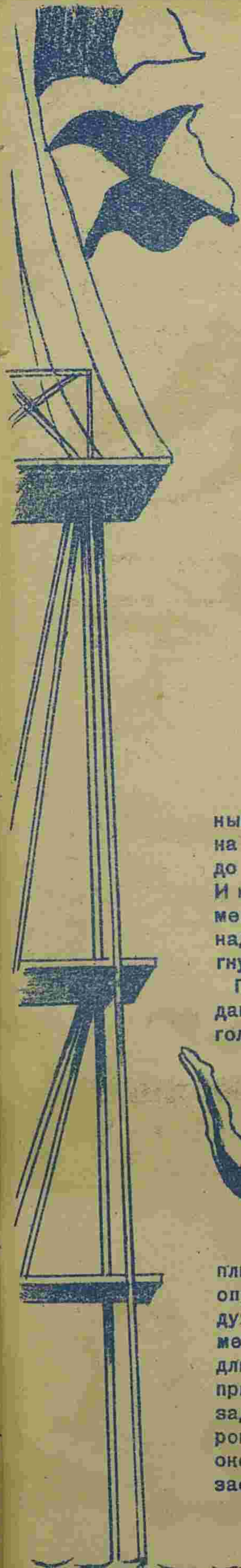
Взмах рук перед прыжком делает толчок более сильным и уверенным. Чтобы выполнить „солдатик“, вытягивают руки вперед на высоте плеч и ладонями вниз; потом резко опускают руки до бедер так быстро, чтобы конец трамплина покачнулся вниз. И немедленно выбрасывают руки вперед и в стороны, и одновременно резко отталкиваясь ногами. Толчок руками и ногами надо успеть сделать в тот момент, когда конец доски прогнулся до отказа вниз.

Прыгая вниз головой, поступают точно также, только толчок дают больше вперед. Руки после взмаха протягивают над головой, а после толчка ноги прямые в коленях и с вытянутыми

носками закидывают назад. Прыгун должен держать голову высоко и прогнуться только в полете. После толчка руки разводят в стороны („ласточка“) и держат их в этом положении до самой воды. У воды прыгун вытягивает руки над головой и погружается почти отвесно.

Но особенно увлекательны и красивы сложные прыжки. Конечно, изучение их требует времени и настойчивости

Зато, как приятно сделать несколько легких шагов по трамплину, высоко подпрыгнуть над концом доски, опуститься на нее всей тяжестью и, взлетев в воздух, сделать фигуру. Весь прыжок продолжается меньше двух секунд, а прыгуну кажется, что полет длится минуты. При трудных прыжках, например, при двойных оборотах (два сальто вперед или назад) уж сделан первый оборот, а завершение второго приходится еще... ожидать! Наконец, фигура окончена и выпрямившийся прыгун стрелой исчезает под водой.

4 p.

1408

29

41

